

— ✦ КАРИНА ДЕМИНА ✦ —

— ✦ ХОЗЯИН ТЕНЕЙ ✦ —

ГРОМОВ

— ✦
8
✦ —

ГРОМОВ

Карина Демина

Громов: Хозяин теней – 8

«автор»

2026

Демина К.

Громов: Хозяин теней – 8 / К. Демина — «автор»,
2026 — (Громов)

Громовы больше не одни, но легче от этого не становится. Друзья и союзники готовы помочь, но враг не только силен, но ещё и умён. Одна за другой обрываются нити, ведущие к Философам. Сами безумные учёные держатся в тени, но продолжают перекраивать мир по собственному разумению, не слишком обращая внимание на сопутствующие жертвы. Вот только и они далеко не всемогущи. Да и мир сам готов измениться. Но в какую сторону? И как с этими переменами связан пусть талантливый, но мальчишка из рода Громовых?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Карина Демина

Громов: Хозяин теней – 8

Глава 1

Московская купеческая управа приступила к сооружению на Щипке обширной богадельни на 300 человек. Работы ведутся с таким расчетом, чтобы к осени все здания были готовы вчерне. Богадельня устраивается на средства завещанные П. М. Третьяковым в сумме свыше 1 000 000 руб. По смете постройка зданий обойдется в 315 000 р.

«Русь»

Дом, милый дом.

Ладно, не скажу, что милый и что сильно скучал. Но соседке, которая тотчас высунулась из-за забора, я помахал рукой. Тётка, правда, моментально скрылась, сделав вид, что её тут нет.

И думать не хочется, какие сплетни полетят по округе.

Тимоха выбрался следом.

Огляделся этак, с интересом и спросил:

– Значит, ты жил тут?

– Жил, – согласился я. – Но на подробности не рассчитывай. Я мало что помню. Так, отдельными кусками.

Тимоха толкнул калитку.

Надо же, не скрипит.

И двор обкосили.

Дверь поправили. Теперь на ней висел солидного вида замок, который Тимоха потрогал исключительно из интереса. А ещё, подозреваю, убеждаясь, что дверь эта, и замок, и вообще всё-то вокруг ему не мерещится.

Две недели.

Много это?

Мало?

Несколько дней в госпитале. И слёзы Татьяны, которые мне почему-то не хочется видеть, и я отворачиваюсь, пусть и понимаю, что плачет она от радости.

И Тимоху обнимает, не способная отпустить.

А он хмурится так, серьёзно, явно растерянный, потому что есть от чего растеряться. И потом разговор. Долгий-долгий. Подробный. Тяжёлый. Ощущение грозы.

Буча, которая выбирается, чтобы улечься у ног. У неё снова длинное змееобразное тело и глаза навывкате, а что пока размер в четверть от себя-прошлой, так это мелочи.

Всё мелочи.

Кроме слов. Кроме рассказа, за которым скрываются потерянные дни и люди.

Вздых.

И стиснутые челюсти. Молчание. Тимохе тяжело принять, что деда больше нет. И Варфоломей ему был близок. И все-то, погибшие в поместье. Это я не знал ни имён, ни лиц, а для Тимохи – они утрата. Как и само поместье, бывшее домом. И видно, как Тимоха сжимает кулаки и разжимает. А Татьяна просто прижимается к нему, обхватывая огромную его руку своими. Он же, разворачивая её ладонь, водит пальцем по коже, которая всё равно не такая, какой должна быть.

И Татьяна смущается от этого внимания.

– Это уже пустяки, просто следы. Николай говорит, что со временем и они исчезнут, главное, я снова их чувствую, – она перебирает пальцами, быстро-быстро, будто играя на невидимой арфе. – Видишь?

– Вижу, – прозвучало это донельзя мрачно.

А я...

Я продолжал говорить.

Я никогда столько не говорил, как в ту ночь. И потому во рту то и дело пересыхало. Тогда Татьяна подхватывала рассказ. И снова, утомившись, отдавала мне. А Тимоха всё слушал и слушал.

И только ближе к полуночи мы замолчали.

– Вот... стало быть... как... я только и запомнил, что свет. Ещё подумал, что... дерьмо. Нельзя было Воротынцевым верить.

– Ну, теперь Воротынцевы в такой же заднице, как и Громовы, – сказал я. – Или почти такой же...

Потому что, пусть следствие и не завершено, но гадать нечего, кого на роль козлов отпущения определяют. И кому придётся выплачивать компенсации, если не людям, то городу и Государю.

– А этот, значит, наш. Чтоб... ну, отец... – Тимоха качнул головой. – Это ж мало до греха не хватило... и дед не знал. Он бы не допустил и разговора про помолвку, не то, чтобы подписывать что-то...

Ну да, верю.

Никто не знал.

– И ребенка... Громовы своих не отдают. Нашёл бы способ. А отец промолчал. И все промолчали. И... дерьмо, – он снова повторил это слово, вцепился в волосы и замер. Сидел так несколько минут, а мы с Татьяной ждали, когда Тимоха снова заговорит. И он распрямылся. – Мне бы тоже познакомиться... с братцем.

– Тим, тебе бы сперва с целителем познакомиться.

– И с ним тоже, раз уж ты за него замуж собралась.

Татьяна замерла, вдруг осознав, что помолвка может быть и разорвана. Что теперь всё изменилось, и пусть она любит брата, но у него могут быть собственные на неё планы.

– Если человек хороший, то... целитель – это сила, – Тимоха тоже ощутил эту настороженность. И сомнения. И понял всё правильно.

– Хороший. Просто замечательный.

– Вот и славно. Мне эти женихи по предварительному сговору никогда не нравились, – Тимоха поднялся. – И вообще... надо бы тогда, не знаю, собрать всех... кто остался. И Михаила тоже.

– Вы с ним похожи, – Татьяна поддержала его под руку. – Не перенапрягайся, тебе пока нельзя. Ты пролежал вон сколько дней. Тело не готово двигаться.

– Тише, – Тимоха обнял сестру. – Теперь всё будет хорошо.

И чтоб вас всех, мне захотелось поверить.

С Мишкой они на следующий день встретились.

Тут уж обошлось без слёз.

И объятий тоже.

Взаимная настороженность. И Татьяны тоже, причём, не понять, за кого из них она больше волнуется. Тимоха выше. Здоровее. И тень его больше. А Мишкина, только выглянула и сразу нырнула к нему под пиджак. Только огромные глаза из-под полы поблескивали.

– Выходит... брат? – осторожно спросил Тимоха.

– Я ни на что не претендую, – Мишка не спешил подходит.

– Ну и дурак.

– Сам ты дурак.

– Что было, то было, – Тимоха обладал не только спокойствием, но и чувством юмора. – Я тебя помню.

– Помнишь?

– Смутно. Ты мне пряники покупал. И петушка. Такого. Оранжевого. И хвост золотой. Сусальный.

Надо же, я тоже помню этого петушка, который оказался настолько красив, что Тимоха долго не решался его попробовать. Он выставлял руку, крутил, разглядывал и трогал покрытый сусальным золотом хвост, причмокивая губами.

И вспоминать об этом было больно.

– Спасибо.

– Как-то... не за что, – смутился Мишка.

– А ты всё помнишь? – поинтересовался я.

– Нет. Точнее временами. Отдельные картинки. Ощущение такое, мёртвого сна. Знаете, когда тело цепенеет и ты в нём точно заперт. Рвёшься, кричишь, а в итоге не получается даже пальцем пошевелить. А потом всё гаснет. И только темнота остаётся. Не страшно, нет. Спокойно даже. Михаил, стало быть. Я рад, что ты есть.

Это было сказано спокойно и с достоинством.

– Громовых и так почти не осталось, так что дело твоё, но не спеши отказываться от родства.

– Имя...

– Имя – дело третье. Тут уж как сам пожелаешь.

Тогда они тоже долго говорили.

В принципе, оно и понятно.

Потом столь же долгий разговор состоялся сперва с Николя, а потом и с Карпом Евстратовичем, которого возвращение Тимофея обрадовало едва ли не больше, чем нас с Татьяной. Заглянул и Еремей, но исключительно поздороваться и меня забрать. Ну да, раз хожу, в сон не сваливаюсь и вообще с виду здоров, то больничный закрывается. Стало быть, здравствуйте, гимназия и любимая латынь...

– Учись, – сказал Тимоха строго. – И давай, без глупостей.

Напутствовал, стало быть.

И сразу дал понять, кто тут теперь старший. Странные, по правде говоря, ощущения, и даже какая-то ревность, что ли? Обида? Нет. Скорее такое вот недовольство, вполне объяснимое, человеческое. Я столько времени был сам. И не пропал. И никому не дал пропасть. И вообще, я самостоятельный, а тут вот берут и командуют.

С другой стороны, глядишь и вправду будет легче.

Силу у меня никто не отбирал.

Теней тоже. Верю, что эта спячка когда-нибудь да завершится.

А в остальном... я один со всем не справлюсь. Мелькнула, конечно, мыслишка отложить учёбу, раз уж Ворон улетел, но... оставался ведь и тот, кто его сюда пристроил.

И выставка эта.

И ребята, опять же... да и в целом, чую, всем дел хватит.

– Савка! – Метелька ждал у входа во флигель, прячась в тени. И ко мне бросился, и ткнул кулаком в бок. – Вот ты... з-зараза!

Еремей подтолкнул меня в спину, велел:

– Отведи. Пусть помогает, раз уж так. Вечером заберу.

– Сам зараза! – ответил я.

– Я?

– А я чего?

– А чего уехал? И без меня? И такое вот... мертвяков видел?

– Не-а, там только кости одни.

– Мертвячи? – уточнил Метелька.

– Ага. Земля вывернулась, и они полезли.

– А говоришь, не видел.

– Так не скелетами, они вроде как друг с другом сцеплялись... а ты тут с Еремеем?

Ермей, посчитав, что свой долг выполнил, куда-то исчез.

– Почти всю гимназией мы тут. Сперва, как узнали, что происходит, мы у Демидовых были, в мастерских, делали эту штуку, для выставки. Ну а тут колокола. Так, бам-бам-бам...

Где-то громко завопила, запричитала баба, и я дёрнулся было на голос. Здесь, снаружи, звуков и запахов было куда больше. А ещё люди.

Из окна я видел, но, оказывается, лишь малую часть того, что творилось вокруг.

– А мамочки родные! – вой взлетел и оборвался.

– Не обращай внимания, тут порой такое бывает, – Метелька подхватил меня под руку и потянул куда-то вбок. – Наши там. В общем, как колокола зазвонили, то Демидовы сразу тревогу подняли. Нас, стало быть, в подвал. Там такой подвал, я тебе скажу, заблудится с непривычки проще простого. И сидеть велели. Мы и сидели. Вот... а после уж выпустили. Ну и сказали, что кладбище поднялось.

– Это не мы, – в который раз сказал я, чувствуя, что не верят.

– Погодь, сейчас всем расскажешь... ну и сперва вроде как сказали, что погань эту, которая с кладбища полезла, остановили.

Палатки.

Всюду палатки.

И люди.

Живые потоки их сходились и расходились, то и дело раздавались крики, вспыхивали ссоры и тотчас гасли, стоило появиться мрачному характерного вида молодцу. Но тишина держалась недолго, и вот уже её снова нарушали визгливые бабьи голоса, выясняя, кто и где стоял. А главное, люди растекались у палаток, точно желая взять их в кольцо и не выпустить целителя, пока не примет.

Грязные.

Вонючие. Обряженные в лохмотья. Какие-то одинаково закопчённые, с чёрными лицами.

– Мы там-то, медсёстрам помогаем. Марлю режем, бинты скатываем и носим в стирку, потом сушить ещё. Орлов горячим воздухом на раз. А Демидовы кухню поставили, но там, дальше, похлёбку...

В этом человеческом море, которое почти затопило госпиталь, я чувствовал себя потерянным. И потому просто шёл туда, куда меня тащил метелька.

– ...а потом слух пошёл, что чёрная туча над городом легла. И с неё, значит, мор случится. А ещё, что Государь ездил к кладбищу, но упокоить не смог. И Алексей Михайлович не смог. И значит, быть чуме, а потом и концу света. Во всех церквях молебны начались. И люд собирали. И крестные ходы пустили. И даже мощи, какие были, выносили в город. И иконы тоже.

Чтоб вас... как-то я в теории представлял масштаб, но не настолько. Карп Евстратович и тот, конечно, говорил, но не в таких подробностях.

– А потом пошли листовки, – Метелька крепко держал меня за руку и тянул сквозь толпу. Я и не сопротивлялся. Добравшись до госпиталя, мы рысью двинулись вдоль крыла. – И там писали, что это всё нарочно, что рабочий люд собираются известить, а потому не станут лечить никого. И что целители все, какие есть, сбегли от чумы. И что родовитые тож из города пода-

лись. Нас сперва думали на Урал отправить, но я сказал, что без тебя не поеду. А тут вроде как, что вы вернулись. И что живые. Я к тебе хотел, но...

– Не пустили.

– Ага, – сказал Метелька. – И Еремей сказал, что ты того, ну, всё одно спишь. Вот... а тут волнения пошли, по городу. Рабочие бастовать начали. И кто-то там даже звал, чтоб к царю шли, несли эту... как его...

– Петицию, – Орлов был взмылен, а воздух над ним дрожал от жара. – Привет, Сав. Рад видеть. Идём. Чай будешь? Будешь. Надо, пока есть, потому что потом может и не быть. Фух, я весь запарился... рассказывает?

– Ага, – мы оказались на заднем дворе госпиталя, где, впрочем, тоже нашлось место, что палаткам, что навесам, под которыми протянулись какие-то столы, бочки. Чуть дальше, на натянутых меж столбами веревках, колыхались белые полотна.

– Тут у нас и кухня, и прочее всё... петиция... Яр! Яр! Тут Савку отпустили!

– Меня никто не держал.

– Ага... а охрану перед флигелем так поставили, чтоб народ не лез.

Про охрану никто и словом не обмолвился. Но с учётом происходящего, вполне допускаю, что именно для того и поставили.

– Привет, – Яр появился с огромной кружкой, которую пронёс над рыжею макушкой Никиты и сунул мне. – На от, пей.

– А я?! – Орлов состроил скорбную гримасу.

– Ты обойдёшься.

– Я, между прочим, сил потратил...

– Как и все тут, ладно, не ной, пойдём, там аккурат бочки привезли. Поможешь...

Чай оказался травяным, но душистым и сладким до одури. Впрочем, я не жаловался. Пойти я тоже пошёл, но лишь затем, чтобы, примостившись на ступеньках, посмотреть, как Демидов ловко управляется с огромными, едва ли не с его самого размером, бочками. И ведь были те не пустыми. Хотя работал он не один, Из грузовика бочки выкатывал парень, в фигуре которого угадывалась общая с Демидовым кровь.

Кузен?

– Так вот, – Орлов присел рядом и махнул рукой. Я обернулся, но никого не заметил. – Серега! Тащи нашего целителя сюда! Даже если он отбиваться станет... в общем, тут, конечно, было весело. Ну, собралась толпа, значит, и как двинет к дворцу...

– Не двинет, а направится, крестным ходом, – поправил его Демидов.

– Ага, только там не молитвы читали...

– Смотря кто, – Демидов смахнул пот со лба. – Всяких хватало. Многие как раз с молитвами и шли.

– Но войска-то подняли.

– Конечно. Их ещё раньше по тревоге подняли, и к кладбищу направили. И гвардию тоже, так положено. Балабол ты.

– Как есть, так и говорю, – отмахнулся Орлов. – Толпа была? Была. Шла ко дворцу? Шла. Были крикуны? Были.

– Это да, – согласился Демидов. – Такие, что звали прямо во дворец и войти... но государь сам вышел к людям.

Сказано это было с немалым уважением.

– Ага, – Орлов протянул руку, и Демидов сунул чаю и ему. – Вышел, ну и речь сказал. Что пришла беда, но это малая, а если смута начнётся, то беда большою станет. И никому-то от того не будет легче. И призвал объединиться, чтобы помочь тем, кто пострадал... ну вот и видишь.

Я видел.

Правда, не очень понимал.

– А государыня, которая тоже вышла, заявила, что будет устроен временный госпиталь, где её целители примут тех, кто опасается, что болен...

Примерно всех.

Подозреваю, целители обрадовались до икоты.

– И цесаревна, сестра государя, которая прибыла вот, как только узнала, что в Петербурге беспокойствие, тоже заявила, что и сама будет помогать. И что все-то, крови Романовых, пройдут по городу, дабы сиянием своим выжечь тёмную заразу.

Чудесно.

– А затем снова Государь взял слово. И обратился уже к Думским, мол, великая власть им дана, но и ответственность, и всё такое вот... в общем, они обязаны помочь в организации госпиталей.

И они обрадовались, как я думаю.

Тоже до икоты.

Икота, она вообще выражает исключительно радость и верноподданическое желание родине служить.

– И они, значит, вот это вот всё? – я обвёл руками двор.

– Не все. Выяснилось, что в первый же день, когда было только известно, что кладбище поднимается, многие отбыли из города, – Орлов хлебал чаёк и блаженно щурился. – Дела родовые, волнения в угодьях. Кого-то здоровье подвело. Глава Гильдии вовсе заявил, что страхи преувеличены и никаких эпидемий не будет, а если и будут, то исключительно вызванные грязью и крысами, и нежеланием людей заботиться о своём здоровье.

Глаз уловил движение, и я обернулся, чтобы увидеть, как спешно ныряет под столы чумазый ребенок. Закутанные в тряпье и тощий, он двигался рывками, то и дело замирая, чтобы не быть замеченным.

– Вот такие и потянулись, – Демидов кивнул на него – или неё, потому как определить пол было затруднительно.

– В общем, Государь, когда доложили, кто там отбыл, то и постановил, что раз так, то здоровье и дела родовые – это важно, а потому не стоит отвлекаться от них службой. И отправил в отставку, – продолжил Никита, следя за ребенком. Тот крутил головой, озираясь, а потом забрался под стол глубже.

– Четырёх министров и семерых думских, – Яр поддержал рассказ. – И ещё помельче которых. А нам дворянство дали.

– Поздравляю.

– Да... отец говорит, что хорошо, но теперь многие ополчатся.

– А так бы не ополчились?

– Это да... и не только нам.

– Ещё Юхашевым, – Орлов цыкнул на пацанёнка – а я всё-таки решил, что под столом мальчишка – когда тот попытался стащить со стола сложенные бинты. – От же... глаз да глаз нужен. Так и норовят стянуть. Даже если им не надо, то всё одно.

– Надо. Когда такая бедность, то любая тряпка за благо. А кроме Юхашевых – Абрикосовы, Натубины и ещё семеро купцов первой гильдии получили титулы, с правом наследования. За заслуги перед отечеством.

– И чем заслужили?

– Абрикосовы склады освободили, там тоже госпиталь теперь, берут всех, кто приходит, лечат... ну, целителей не хватает. Хотя Абрикосовы сказали, что заплатят всем. И платят.

Мальчишка, отбежавши, не ушёл совсем, но повернулся чуть дальше и упрямо направился к другому столу.

– А ну-ка кыш! – крикнул Демидов, но окрик не произвёл особого впечатления. Впрочем, перед столом вырос очередной гвардеец, и уже близость человека крупного и опасного заста-

вила мальчишку отступить. – Юхашевы поставили с мануфактур полотно для бинтов, и корпию, и раздачу хлеба организовали. Натубины... там Авдотья Семеновна заправляет. Суровая весьма дама, из старых купцов. Так-то, говорят, скупости изрядной, но сейчас и сама вышла, и всех своих девиц, а у них, почитай, одни девки в роду, вывела к церквям, к богадельням, чтоб в порядок привести. Поставила телеги, где раздаёт хлеб. Но сперва надо пройти осмотр.

Перемены.

И вот ощущение такое... странное донельзя. Я ведь и вправду случайно оказался на том кладбище и в тот день, и к тому, что происходит сейчас имею очень косвенное отношение.

Но ведь имею.

И этот вот крестный ход, который случился, кажется перевернутым эхом другого, состоявшегося в моём мире больше сотни лет тому, но завершившегося большой кровью. А здесь вот иначе вышло.

И не шанс ли это для мира?

Для всех нас?

Или просто я ищу параллели там, где их нет?

– Ну а там-то и остальные потянулись. Кто чего может. Купечество, которое поменьше, объединилось, сборы учиняют, помощи. Собирают вещи для бедных. Списки составляют, кому да что, общие точки открывают. Дворянство тоже решило не отставать. В Думе, конечно, возмущение изрядное, потому что вроде бы как слух пошёл, что Государь воспользуется случаем, чтобы поменять состав. И не будет смотреть на то, что остальные думают, но воспользуется правом крови. И многие теперь его поддержат.

И перемены не только в госпиталях.

Они глубже.

К добру ли только?

– И правильно делает, – Никита пригладил взъерошенные волосы. – Отец говорит, что он давно ждал подходящего момента. Дума... она не то, чтобы мешала, но там сейчас настроения были такие, которые за старину, за порядок, за усиление власти. Оно и где-то и неплохо, но...

Не сейчас.

Понимаю.

– Вот... и многие, кто уехал, они из тех, кто за старый режим.

А потому предлог для отставки отличнейший. Вот прямо даже лучше не придумать. Грешно не воспользоваться.

– Во-о-от... а у нас тут тоже вышло. Сперва, конечно, дома сидели. Кто б нас выпустил, – Яр говорил неспешно. – А Елизар как-то встал и заявил, что хочет помогать, что он, пусть и не так много умеет, но может силой делиться со старшими. И попросил отвезти его сюда. Мол, он тут работал, его знают. И Серега следом.

– И вы?

– Само собой. Как-то даже стыдно стало. Нам бы попроситься, а не малым. А они вот... нет, мы б и так пошли, потому что... ну, как не пойти. Уже стало понятно, что вроде как и не опасно, чтобы как раньше, но работы много, – Орлов пожал плечами, явно удивляясь, что приходится объяснять такие простые вещи. – Матушка медсёстрам помогает, а мы вот тут. Огнём удобно воду греть, чтоб бинты кипятить. Ух, честно, вроде простое заклятье, но надо было не переборщить...

– Он в первый день едва не спалил всё.

– Так не спалил же!

Не поспоришь.

– Демидовы придумали камни положить, сделали сушильные столы из камня, – Орлов указал на дальние столы, которые и вправду оказались каменными. – На них сперва раскладывали бинты, я грел, камни раскалялись, оно и сохло, и это...

– Дезинфицировалось?

– Точно! Вот... а потом уже и вешать стали. Тёплый воздух вверх подымается, и тоже сохнут неплохо. Людей много. И бинтов много.

Потому что в городе их много. И если сперва, возможно, опасались, не верили, что их и вправду станет кто-то лечить, то постепенно слухи расползались.

– Будет ещё больше, – сказал я, глядя, как женщина в тёмном платье ловко подцепляет высохшие бинты крюком, стаскивает их с края и, снимая целыми охапками, скидывает в огромную корзину. – Когда слухи до окрестных сёл дойдут. Сюда все потянутся. Никакой Гильдии не хватит.

– Гильдия... – протянул Орлов странным тоном. – Тут, Сав, такое вот дело... похоже, что нет больше Гильдии. Или не будет.

Глава 2

9-го января московский военно-окружной суд приговорил поручика запаса Александрова за неявку в срок на службу и за подлог свидетельства и за женитьбу без разрешения к лишению чинов, медалей, к исключению со службы, к лишению воинского звания, к лишению особых прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения на 2 г. Александров содержался под стражей. На днях он был отпущен, по его просьбе, в Сандуновские бани и по дороге скрылся от сопровождавшего конвоя.

Московские вести

Корзину забирал гвардеец, уносил куда-то внутрь здания.

– Там девчонки сидят, – пояснил Демидов. – Те, которые помоложе, которых к людям не пускают, потому как... всякие тут есть.

– Ага, мои старшие тоже тут. Помогают складывать. Сматывают там, делят, что и куда. Разбирают, чтоб совсем уж ветхих не было, – это Орлов произнёс с гордостью. – Матушка сперва не очень хотела пускать, а теперь вот гордится. Твоя Татьяна за ними приглядывает. Ну и вообще... тут ещё порядок с большего, и место есть поэтому и устроили постирочные. Отсюда повезём бинты по остальным точкам. Много больных. Очень много, Сав. Я и подумать не мог, что их столько-то... как-то оно раньше...

– Незаметно было? – не удержался я.

Хотя чего уж. Я и сам не особо раньше внимание обращал на то, что творится вокруг. Больше скажу. Вспоминая себя, прошлого, теперь поражаюсь своей той наивности.

Кожаная куртка.

Цепь золотая. Жизнь весёлая. И чувство, что так оно правильно. Я ведь заслуживаю. А те, кто нищие, они не заслуживают. Они слабые и глупые, и стало быть, сами во всём виноваты. И мне бы в голову не пришло идти, как это правильно обозвать-то? В волонтеры? Тратить время и силы, и деньги? На что? На глупую помощь нищebroдам?

– Ну да, – Орлов, к счастью, в мысли заглядывать не умел. – Люди и люди. Есть, но там где-то, далеко. А теперь тут... и вроде не с мором идут, не с чумой, а так вот... нарывы, гнойники. А сколько тех, кто кровью харкает от чахотки или животом слабый? Там, – он кивнул на госпиталь, – кстати, из полотна и повязки шьют, ну, которые уже постарше. Смоленки. И другие девицы. Как раз Натубины держали мастерские, всех мастериц за это дело и посадили.

– Авдотья Семеновна давно уж мастерские организовала, – пояснил Демидов. – Она брала девушек-сирот, учила шить, кого просто, кого вот и вышивать, и кружево прясть. Ну, чтоб честное дело в руках. И теперь вот все работают. Даже, говорят, те пришли, кто давно уже сам, без Натубиной, дело ведёт.

– Орден надо, – я вдохнул этот, пронизанный больничными ароматами, воздух и пожалел, что не могу выпустить теней. Дряни всякой тут явно прибавилось.

– Какой?

– Женский. Чтоб для таких вот, как эта ваша Натубина. И прочих, кто не побоялся. Для женщин. Ну и для мужчин. Чтоб видно было... боевых, небось, хватает. А таких, которые вот... – ну да, оратор из меня никакой.

– А это мысль, – Никита ущипнул себя за нос. – Вечером отцу скажу, если не забуду. И вправду, потому что и государыня лично в госпитале трудится, и цесаревна, и многие дамы свитские...

Ну раз так, то ордену точно быть. А там, глядишь, и другим достанется, не свитским.

– Так что с Гильдией-то?

– Государь потребовал, чтобы все целители, которые есть в городе, отложили прочие дела, кроме тех, которые касаются жизни пациентов, и отправились в госпитали.

Это я уже слышал.

– А они не отправились?

– Ага... как бы там хитро вышло. Глава гильдии заявил, что он не управляет целителями, но лишь общими делами гильдии, а потому не имеет права приказывать. Он рекомендует прислушаться к слову Государя, но каждый целитель вправе сам решать, что ему делать и каких принимать пациентов. Вот...

– И те решили...

– Кто как. Но... – Орлов обернулся и подал знак, чтобы я наклонился. – К Николаю приходила его матушка. Очень ругались они. Даже во весь голос. И многие слышали. Она требовала, чтобы он бросил всё и уехал. Они отбывали в Крым...

Я бы тоже туда отбыл, но кто ж меня пустит.

– А Николай не захотел?

– Да. И заявил, что не собирается бегать, и что это подло, низко, что их долг спасать людей. А она сказала, что в этом случае не сможет больше заступаться за него перед Гильдией. Что у него отзовут лицензию и вовсе запретят лечить, а то и под суд отправят...

Угу.

Наверное, угроза была серьёзной. Раньше.

– А он сказал, что если так всё и дальше пойдёт, то вскоре наличие лицензии гильдейной не будет иметь никакого значения. Что они все забыли главное – целитель должен лечить... ну и так-то дальше. А уже на следующий день Государь снова выступил, перед Думой... ну, теми, кто остался. С речью.

– Понятно, что не пирожки раздавал, – ввернул Яр.

– Да... ну тебя, – Никита отмахнулся. – В общем, сказал, что вроде как очевидно, что Гильдия не справляется с возложенными на неё обязанностями. Что медицинский вопрос давно назрел, что пора кардинально менять подход, дабы не допустить повторения нынешней ситуации. И потому следует учредить сперва комиссию, которая создаст проект единой системы, подчинённой Думе и Государю, а после и приступит к его реализации. И чтоб комиссия эта прописала в проекте, кто и как имеет право лечить, что лицензии должны выдаваться государством, а не Гильдией, которая, оказывается, не имеет власти и ни за что не отвечает по сути. Это же касается и организации госпиталей, и содержания врачей, и прочее. Мол, в проекте должно быть прописано, кто даёт разрешения, кто финансирует, кто контролирует и прочее. Поэтому вроде как Гильдию никто не отменяет и не запрещает. Ей даже рекомендовано всячески участвовать и способствовать развитию медицинской науки.

Но контроль над сферой здравоохранения перейдёт в надёжные руки государства.

Молодец Государь.

Вот реально ж молодец. И беспорядков не допустил. И возможностями воспользовался.

– И как Дума?

– Скажем... неоднозначно, – Орлов расплылся в широкой улыбке. – Но спорить не решились. Это аккурат после отставки уехавших было. Вот и побоялись, что тоже могут в отставку услать. А ещё слух был, что, возможно, Думу в принципе отменят, ввиду особого положения. В городе войска, а они верны Государю. Отец полагает, что войска и оставят, пока всё вот это не утрясётся.

И тактика хорошая.

Одобряю.

– Правда, он же говорит, что шепчутся, что Гильдия просто так не сдаётся.

Тоже логично. Кто ж добровольно от власти откажется?

– И уже слухи вовсю ходят, что если проект примут, то лечить людей будут не нормальные целители, а эти вот, недоучки без дара, которым бумажки выпишут, но и только.

– Зато будут, – я пожал плечами. – Николая говорил, что дар, как таковой, нужен не всегда, что в большинстве случаев хватает и просто диагноза с лекарствами.

– Да, но... тут... в общем, Гильдия заявила, что не признаёт за теми, кто не получает их диплома, права зваться целителями и вовсе докторами. В общем, тут всё только начинается. А толпа как всегда, услышала не так. Будто Гильдия запрещает их лечить. Ну и пошла к представительству. Камни кидали. В общем, там и сейчас неспокойно. А представительство закрыли.

И перевезли в Крым, надо полагать.

Подальше.

И вот что получается?

А то и получается, что перемены начались и многим они не по вкусу, но Государь, получив такую возможность, воспользуется ею сполна. И начинаю понимать, почему он не отменяет эту треклятую выставку.

Сила.

Сила и уверенность.

Показательные. Демонстративные. Чтобы видели все – новый курс взят и с него Государь не свернёт.

Он – нет... наследники? Они молоды, в теории можно оказать давление, но если характером пошли в папеньку, то вряд ли получится. Тем более и Государь здешний, скорее всего, вероятность предусмотрел. Поставит рядом Слышнева, других верных людей. Так что нет.

– Сав, ты чего задумался?

– Да... просто всё вот закрутилось...

А вот если убрать всех и сразу, и потом устроить выборы? Кстати, с чего я вообще взял, что это кто-то из Романовых к власти стремится? Вполне может быть, что выберут кого-то, кто совсем не при делах, но обладает подходящим характером.

Кто не будет ломать старину.

Кто проявит понимание и в целом, государством управляя, будет слушать умных добрых советников. Кто, сохраняя формальное единство власти под короной, на деле эту власть передаст другим.

– Кстати, а государевы целители... они за кого?

– Соображаешь, – похвалил меня Орлов. – Тут как кто. Дед Одоецкой прилюдно заявил, что рад. Что давно пора порядок навести. Его главой комиссии и назначили. Но у него с Гильдией давние расхождения во взглядах, пусть и не на политические темы.

– А на какие?

– Он считает, что девиц с даром надо обучать и использовать, что это преступная халатность в нынешней ситуации позволять такому количеству целителей просто игнорировать свои способности из-за того, что девице неприлично работать.

Теперь понятно, в кого Одоецкая пошла. Точнее, кто позволил ей вырасти.

– И что давно уже надобно пересмотреть замшелые нормы, что всегда, во все времена, существовали женщины-целители и они ничуть не хуже мужчин справлялись. А потому надо дать возможность учиться и работать всем, кто того желает... в общем, из Гильдии его тотчас исключили.

Но он по этому поводу не слишком, я думаю, переживает.

А его противостояние... он ведь сильный целитель. И Гильдия не едина. Ни одна организация, кроме сект, не бывает монолитом. Стало быть, и в Гильдии найдутся инакомыслящие, для которых Одоецкий станет центром притяжения.

Плохо это?

Хорошо?

И вообще, интересно, деду сказали, что Одоецкая жива?

Вопросы... много вопросов. И задавать их надо не Орлову с Демидовым.

– Ну, – Никита встал надо мной и, скрестив руки на груди, произнёс. – А теперь твоя очередь! Рассказывай давай...

Пришлось рассказывать.

Что ещё? В тот день мы задержались в госпитале до самого вечера. Не сказать, чтобы работа была сложной, скорее уж её хватало.

Собирать сухие бинты.

Относить корзины с ними в госпиталь, передавая в руки девчонкам, что сматывали их, укладывая аккуратными рядами. Бледные, в одинаковых серых платьях и чёрных передниках, эти девочки пахли больницей, как и всё-то вокруг. Но на нас поглядывали с немалым интересом. А порой обменивались взглядами, так, как это умеют только женщины, со скрытым смыслом. И Орлов терялся.

А Яр краснел.

И становилось вдруг неловко, и эта неловкость заставляла их убегать, прихватив с собой чистые бинты. Их следовало или на машину погрузить, если предназначались они для других точек, или отнести к палаткам, пройтись, узнавая, не надо ли где.

У палаток уже пахло иначе. Кровью. Гноем. Болезнью и невымытым человеческим телом. Здесь носились чумазные дети, затевая то ли игры, то ли драки, разнимать которые приходилось гвардейцам, как и успокаивать визгливых баб или возмущённых, порою нетрезвых, мужиков. Хотя бывало, что и наоборот.

Люди толпились.

Пёрли.

И ругались. Орали друг на друга, выплёскивая накопившиеся злобу и страх, и на нас, норовя толкнуть, поставить подножку или обматерить. И приходилось стискивать зубы, раз за разом успокаивая собственное раздражение, готовое выплеснуться в ответ.

Люди не были заражены тьмой иного мира. Но им и собственной хватало.

Там, в палатках, царил ад.

Я бывал в разных больницах, в той нашей жизни, и не только в больницах, потому что не всегда можно было в больничку. Порой приходилось обходиться родным подвалом, но... не важно, главное, что даже в подвале было прилично.

Чисто.

А тут вот... ту кровь.

И грязь.

И гной. Вёдра и тазы. Бледные целители. По двое или трое, порой совсем мальчишки, явно из числа студентов. Стоны. Охи и ахи.

Мат.

– Не крутись, – усталый голос осаживает пухлую женщину, которой надо сидеть ровно, но она не может. Ей и удивительно, и страшно, и она норовит разглядеть всё, только раз за разом взгляд возвращается к столу, на котором разложен инструмент. – Нарыв надо вскрыть, рану вычистить, я мазь оставлю...

Я тоже стараюсь не смотреть, не на инструмент, он не пугает, в отличие от старой раны, что обнаруживается под ворохом бинтов. Их разматывает парнишка, над губой которого в золотистых усиках блестят капли пота. И губа эта подрагивает, но губы застыли в улыбке. А старший над командой смотрит за действиями и кивает, мол, правильно.

– Ой, мамочки... мамочки... – женщина вздрагивает от каждого прикосновения и принимается причитать баском.

Рука её выглядит отвратно. Распухшая посиневшая, покрытая лохмотьями желтой кожи.

– Как ты дошла-то до такого? – старший перехватывает эту руку за запястьем, не позволяя женщине одёрнуть.

– Так это... котелок опрокинула, а там вон кипело. Ошпарило... я ж сразу, как надо, мочой полила.

– Чем? – возглас парня полон удивления.

– Так... первейшее средство! Не думайте, я не глупая. У меня девка малая, ей пятый годок. Чистая. Нацыбанила мне, я и поливала.

Я молча поставил корзину с чистыми бинтами и подхватил другую, которая уже ждала выхода.

– А там-то ещё припарки...

И вышел.

Не знаю, что будет с этой женщиной. И с остальными. И со всеми людьми, которых здесь куда больше, чем целителей. Твою... я как-то сам слабо представлял себе масштабы проблемы.

Я и сейчас, подозреваю, вижу лишь малую часть. Но теперь вижу не только я. И это хорошо. Я не настолько наивен, чтобы полагать, будто смогу переписать судьбу мира в одни руки.

Корзины тащили в прачечную, которую тоже устроили на заднем дворе.

Плоские длинные камни, раскалённые докрасна. Они гудели, приняв в себя огненную силу, и отдавали её огромным котлам, где кипело едкое варево. Вонь от него расползлась по сторонам, пар оседал на коже и, сдобренный мылом или что там туда сыпали, покрывал эту кожу тяжёлой едкой плёнкой. И уже через несколько мгновений глаза начинало жечь, а шкура отзывалась зудом.

Как выдерживали те, кто в прачечной работал, не знаю. Но крепкие женщины ловко скакали от котла к котлу, поддевая перекипевшее крюками, чтобы перекинуть в следующий котёл.

И в ещё один.

И так, раз за разом. Содержимое одних после сливалось в бочки, а котлы наполнялись чистой водой. И возвращались на камни, чтобы принять дозу жидкого мыла и грязных же бинтов. И всё это двигалось, шевелилось, жило.

К вечеру я готов был сдохнуть.

Странно, ни одна тренировка не выматывала настолько. А главное, что и внутри тогда ощущалась гулкая вязкая пустота, смешанная с недоумением. Как получилось так... так, как получилось?

А ещё ночью людей не становилось меньше.

И всё это не останавливалось.

И пусть девчонок увезли – мы смотрели, как их провожают дамы-наставницы к ожидающим автомобилям – но на смену пришли те самые дамы, решившие задержаться, и другие, и разные.

– Княгиня Рокосова, – указал Орлов на женщину в чёрном строгом наряде. – Вдова. И сыновья у неё погибли на границе... вот, помогает приютам. Берет воспитанниц.

И свита княгини состояла из них, из женщин разного возраста и, как понимаю по одежде, разного положения.

– А там вот, видишь? Свидерская. Купчиха. Миллионщица. С дочерьми. А тех вот – не знаю, – он указал на бледных женщин, что держались в стороне с опаской, пока княгиня Рокосова сама не подошла к ним, не задала вопрос. – Разные люди приходят. Когда как... и кто как.

Кто и как...

– И мы приходим? Завтра?

– По желанию.

Значит, приходим.

– Так-то не все, – Демидов вытер мокрые руки о влажные же штаны. Мы успели и вспотеть, и остыть, и не по разу. И в итоге пропитались этой дикой смесью запахов, что жила вокруг. Но кого это беспокоило? – Некоторые, сколь знаю, отбыли... хотя этот, из вашего класса... как его...

– Потоцкий?

– Точно! Потоцкий! – Орлов подпрыгнул, но вяло. Даже его запас энергии был не бесконечен. – Вот... он и не один...

– С кузенами, – усталый Серега сел рядом и вытянул ноги. – И ещё с другой роднёй. Но не тут. Их семья совместно с купечеством поставили точку там, рядом со Смоленским кладбищем.

Серега тоже выглядел бледно, но куда живее Елизара. Тот просто молчал. Глаза его запали, руки подрагивали, и он убрал их в подмышки. А потом закрыл глаза и просто начал заваливаться на бок. Демидов, благо, успел подхватить.

– Опять, – сказал он и покачал головой. – А я говорил, что не надо ему сегодня ехать.

– Он хотел, – сказал Серега. – И завтра поедет. Говорит, что это хорошая практика, и вообще у него дар, а дар надо использовать...

Демидов поднял Елизара на руки и передал подбежавшему гвардейцу.

– Домой, – скомандовал он. – Никит, ты у нас сегодня?

– Ага. Отец сказал, что он город инспектирует. Там, в комиссии очередной какой-то, – Орлов поднялся. – А матушка в своей, организует комитеты, кого и куда направить. Закупки, поставки, транспорт и прочее всё.

Всего прочего было много.

– Младшими Серафима Ивановна занимается. Она и за Юрой присматривает, – пояснил Демидов.

– Как он?

– Отлично. Уже точно отлично. И дядя тоже. Он не то, чтобы совсем, но... в общем, ему много лучше, чем было. Он даже узнавать начал. Не всех, но Николай Степанович говорит, что это возможно, что обратный эффект. Что было подавление организма, а потом наоборот. И такое случается, но всё равно ждать полного выздоровления не стоит. Но и так будет... хорошо.

И хорошо.

Хоть что-то где-то да хорошо.

В тот вечер мы отправились к Демидовым все. Еремей вот остался, тоже грязный, как чёрт, провонявший щелочью и потом, но упрямый и злой. Проводить проводил. Сказал напоследок:

– Завтра жду.

Ну я не сомневался.

Следующие несколько дней прошли в одном режиме.

Пробуждение, раннее, хотя никто бы и слова не сказал, если бы мы решили отоспаться. Завтрак в тишине. Из взрослых – Юрий Демидов, который достаточно окреп, чтобы спускаться к завтраку, и его матушка, приставленная, как понимаю, приглядывать. Но и она, судя по корзинам и коробкам, которые заполонили холл особняка, нашла себе занятие.

Отъезд.

Госпиталь.

Работа... разная. Как-то мы разгружали машину с картошкой, в другой раз – её же чистили и резали на похлёбку, которую раздавали. Потом разносили хлеб, причём тут было важно понять, кто брал, а кто нет, потому что люди не особо стеснялись требовать ещё и ещё.

И обложить по матушке могли. И слезливо клянчить, клясться и креститься, а потом всё одно кинуть в спину проклятье. И кто сказал, что стоит ждать благодарности? Было мытьё полов и вынос отходов из палаток, хотя к этому нас пока старались не допускать. Много было.

И нельзя сказать, что я быстро привык или привык ко всему. Вряд ли к этому можно вообще привыкнуть, но общий ритм уловил.

Обедали мы там же. Еду привозили, горячую, сытную.

А ужинали снова у Демидовых, куда нас отвозили под хорошей такой охраной. И уже на второй день я не отключился от усталости прямо в машине, но смотрел из окна на город, на перемены.

Крестные ходы.

И кресты, что устанавливались близ домов.

Церкви.

Люди. Палатки и толпа вокруг них. Охрана. Перегороженные улицы. Конные разъезды казаков и патрули через каждую сотню метров. Ощущение беды, что прошла вот совсем рядом, едва-едва задев город рукавом. И пока не удалась настолько, чтобы можно было спокойно выдохнуть. Ощущение хрупкого льда, что начал стягивать раны. И бездны под ним. Один неосторожный шаг и лёд треснет, и тогда...

Но с каждым днём становилось проще.

Легче?

И поток людей уменьшился. Заработали фабрики и заводы, а значит, люди пошли на смены, поскольку заработок важнее этого вот стояния. Отступил страх. И то, что вчера казалось смертью, стало частью обычного такого бытия. К чему тратить время, когда можно использовать какое-нибудь простое и верное средство.

– Завтра в школу, – сказал однажды вечером Орлов и потянулся. – Чтоб... а я уже как-то и отвык, что ли?

– Привыкнешь, – Демидов потянулся до хруста в костях. – Там это... с выставкой надо решать.

– Чего решать? – ответил за меня Орлов. – Решать не надо. Надо участвовать...

Глава 3

Губернское земское собрание в виду переполнения единственно в губернии психиатрической больницы постановило в виде опыта отдавать за установленную плату спокойных душевнобольных в частные семейства. С этой целью ассигновано 5000 руб.

Голос Москвы

Возвращение в гимназию прошло как-то буднично, что ли. Не было ни благодарственных речей во славу тех, кто не щадя живота своего... ладно, не живота, но времени, тратил его на благие дела. Ни орденов, ни даже грамот. Только мрачный взгляд преподавателя латыни, явно подозревавшего, что во всеобщем хаосе без нас не обошлось. Но и он лишь взглядами ограничился да повторением ранее пройденных тем и нарочитым игнорированием факта, что класс наполовину опустел. Словесник и вовсе заявил, что ввиду нынешних обстоятельств программа требует некоторого пересмотра. А потому и вернулся к уже когда-то разбиравшейся теме, мол, повторять сейчас всяко полезней, ибо головы вряд ли готовы к принятию нового.

Я лично согласился полностью.

И не только я.

А после первых уроков всё-таки состоялось собрание, где выступал уже директор и речь его, тихая, спокойная, сводилась к тому, что война войной, но учёбу никто не отменял. И он, безусловно, рад, что учащиеся школы откликнулись на призыв Государя, проявив тем самым бездну душевного благородства и вторую – сострадания к сирым с убогими, но пришла пора вернуть всё на круги своя.

Слушали его внимательно.

Местами кивали и даже хлопали.

А я исподволь разглядывал зал, в котором появилось изрядное такое количество свободных мест. И потому странно, что Потоцкий сел рядом с нами. Выглядел он, честно говоря, слегка пожеванным, побледневшим и похудевшим, но при том весьма собой довольным.

А я что?

Я не против.

– Савелий, рад встрече, – он первым протянул руку, которую я и пожал. И с Метелькой поздоровался до крайности вежливо. Кивнул Сереге и Елизару, который сидел нахохлившийся и сонный.

Он и моргал-то медленно, через раз.

– А где все? – спросил я шёпотом, когда директора сменил Георгий Константинович, заведший речь о непростых временах и необходимости сплотиться перед лицом угрозы.

Орлова я сегодня не видел, как и Яра, хотя и ехали мы сюда из Демидовского особняка.

– Старшие классы ещё при госпиталях помогают, – шепотом же ответил Потоцкий. – А мы вот тут...

– Многих родители позабирали, – Метелька поёрзал, пытаясь опуститься пониже. Георгий Константинович и говорил, и на зал поглядывал, слушают ли. – Вроде как насовсем.

– Как кого, – согласился Потоцкий. – Лапушкин в родовое имение уехал, и Савонин, и ещё вот другие. Прогимназические классы вообще объединять собираются, потому что малышню всю, считай, увезли.

И логично.

Будь у меня дети, я бы тоже не стал рисковать.

– И старших тоже объединят, – это уже Серега заговорил. – Мама... она сказала, что многие беспокоятся. Не из-за чумы, но того и гляди беспорядки начнутся. И даже фрейлины

некоторые отбыли, но это нехорошо, потому что цесаревна очень недовольна и даже, возможно, не примет по возвращении.

Отставка?

А у фрейлин она бывает? И вообще, как это происходит? И что тогда в трудовой книжке записывают? Хотя тут трудовых книжек и нет, но ведь порядок какой-никакой быть должен.

– А сама она как? – спросил я у Сереги.

– Она с цесаревной в госпитале. Помогала. Организовывала и так. Очень переживала, но сейчас уже успокоилась. Ко мне приезжала. Дважды.

Сказал он это с плохо скрываемой радостью, увидев в этом приезде подтверждение, что его всё-таки любят.

Любят.

– Да, моей матушке предложили службу, – Потоцкий покосился на сцену, где Георгий Константинович продолжал говорить о чём-то, вне всяких сомнений, важном. Главное, что громко, уверенно и с явным знанием процесса.

– И она тут?

– Она искала целителей для лечебницы, договаривалась. Пы и про те курсы с ней поговорили, про которые ты говорил, чтоб проект сделать. Я совета спрашивал, она и задержалась. Вот. А как началось, то, конечно, сперва испугалась, меня забрать хотела, когда слух прошёл про чуму, а потом уже передумала. И мы остались. И государыня приезжала, осматривала некоторые госпитальные палатки, и отметила матушку...

Потоцкий не скрывал гордости. И, пожалуй, здесь было чем гордиться.

– И теперь говорят, что всё изменится, но...

Аплодисменты заглушили последние слова Потоцкого. Но дело было не в словах – в ожиданиях. Напряжённых. Опасливых. И вместе с тем полных надежд, что действительно изменится.

Но в какую сторону?

Елизар очнулся и затряс головой, пытаясь понять, где находится.

– Я что-то пропустил? – спросил он, старательно сдерживая зевок.

– Ничего важного. Ты как вообще?

За прошедшие дни мы виделись, конечно, но как-то вскользь. Елизара с Серегой забирал Николя и, кажется, в паре они крепко сработались, что хорошо, потому что Сереге нужен друг. Как и Елизару. А возвращались они уже под вечер, вымотанные до того, что чаще всего Елизар засыпал прямо в машине. А просыпался лишь затем, чтобы поужинать. Поутру, на пути к госпиталю, он тоже дремал.

Но зато теперь его окружал плотный кокон зеленого пламени.

Силы прибавилось?

– Да... так...

После речи Георгия Константиновича нас отпустили на обед, но я задержался и Метельку придержал. Ну его, в толпу ломиться.

– Не особо?

– Матушка написала, что отец не очень доволен, – Елизар всё-таки зевнул, широко и заразительно.

– Чем?

– Тем, что я в госпитале работать стал. То есть помогать. Я не работаю...

А судя по тому, что я видел, ещё как работал. Далеко не все взрослые так выкладывались, как он.

– А он сам?

– Он хотел меня забрать, но...

– Мама не позволила, – влез в разговор Серега. – Она как раз прибыла. И Елизар сказал, что не хочет уезжать, и она сказала, что если так, то он может остаться. Вместе со мной.

– А от тебя не требовала уехать?

– Нет. Это было бы некрасиво. И неправильно. С политической точки зрения.

Чтоб меня.

Нет, всё верно. С этой самой политической точки зрения. Нельзя требовать от других самоотверженного служения, если собственных детей прячешь. Но вот с точки зрения нормального родителя...

Не знаю.

Родителем я никогда не был. Не говоря уже о нормальном.

А вот Серега явно чужие слова повторяет.

– Никита тоже вызвался в добровольцы. Но у них, в Пажеском, все, кто остался, вызвались...

Хорошая оговорка.

Стало быть, остались не все. И это тоже логично. Если уезжали взрослые, то и детей они с собой забирали. В большинстве случаев, потому что сомневаюсь, что исключений, вроде нахолившегося Елизара, много.

– И ты решил, что не хуже?

– Я не хуже! – нервно отозвался Серега.

– Конечно. Никто никого не хуже. Серега, я не против, что ты остался или даже вон, в добровольцы пошёл, – я поднял руки. – Это дело такое... правильное. Я ж и сам помогал, ну, когда смог уже. И потому, вот честно, вы молодцы.

– Но? – он был очень умным для своих лет.

– Но совсем молодцы, когда такие решения принимаются потому, что сами хотите. А не потому, что кто-то там куда-то пошёл или не пошёл. Пойми, нельзя всю жизнь оглядываться на Никиту. Если будешь постоянно себя с ним сравнивать, то ничего хорошего не выйдет. У него своя дорога. У тебя своя. Будут пересекаться, конечно, но... одно дело, когда просто сталкиваетесь, и совсем другое, когда ты свою жизнь строишь, глядя на него и чтобы не быть хуже. В общем, как-то так. Но матушка твоя не стала возражать?

– Нет. Сказала, что это достойно...

Всё-таки логику милейшей Аннушки мне не понять. Достойно, может и достойно, но ведь ни хрена ж не безопасно.

– Она так и сказала отцу Елизара.

– А он?

– Не обрадовался, – ответил уже Елизар. – Сказал, что вообще сомневается, стоит ли мне оставаться здесь. То есть в Петербурге. Что здесь для меня может быть слишком сложно.

– А мама сказала, что это глупости. Что школа – отличная, конечно, не такая хорошая, как Пажеский корпус, но образование даёт и, если у нас будет желание, мы сможем потом и в военное училище поступить. В армии целители нужны.

Ага. А артефакторы – не очень.

Ну ладно, это я при себе оставлю.

– И ещё сказала что-то про изменчивость ситуации и память... но тут я не понял.

Я понял.

Ситуация изменится, а память у государя хорошая. Или как-то так.

– И отец согласился, что он может отбыть, но я останусь. Под её опекой. На некоторое время точно.

То есть и вашим, и нашим.

Та ещё падла хитрозадая его папенька. Но и это я оставлю при себе.

– Вы идти собираетесь? – Потоцкий стоял над нами. – В столовой, конечно, будет свободно, но булки точно разберут...

Булки – это аргумент.

Но мы успели.

Что ещё?

Каравайцев всё же не вернулся, о чём нам сообщил Георгий Константинович с максимально постною рожей, добавив, что Егор Мстиславович подорвал здоровье, помогая целителям, но несомненно поправится. А мы пока будем вынуждены обойтись своими силами. И назначил классным руководителем Эразма Иннокентьевича, который почему-то назначение принял без должного восторга.

– Не доставляйте проблем мне, – сказал он, когда Георгий Константинович ушёл. – И я не доставлю вам.

Доходчиво.

Жизнь постепенно возвращалась в обычную колею.

Со второго дня уроки пошли по старому расписанию.

Правда, учителя стали как-то... мягче?

Сдержанней?

И даже словесник не кривился, глядя в мои тетради. А латинянин лишь вздыхал печально, морщился, но выводил честно заработанные тройки.

Вернулся Еремей и вечерние разминки, на которых к нам присоединился Потоцкий. А чуть позже – и Орлов с Демидовым, изрядно похудевшие и повзрослевшие.

А в пятницу в школе объявился и Шувалов.

– Димка! – вопль Орлова заставил обернуться всех, кто в этот момент был в столовой. – Тебя выпустили!

– Откуда? – уточнил Серега.

– Из дому. У него... обстоятельства. Сам расскажет.

Выглядел Димка, как и все, бледноватым, но бодрым.

– Доброго дня, – и манер не растерял.

И в целом...

Да Шувалов как Шувалов.

– А мне сказали, что ты всё. В школе теперь не появишься.

– К сожалению, я не смогу остаться на пансионе, – он опустил на стул и не стал отказываться от компота, который ему Орлов сунул. Как и от протянутого Демидовым расстега. – Но посещать занятия уже можно.

– А чего?

– У меня появилась... скажем так... собака.

– И?

– И за ней надо ухаживать.

Какое открытие.

– Ага, – Орлов сообразил, что не всё так просто. И перевёл взгляд на меня. потом на Шувалова. – А он сказал, что ты тоже был там. На кладбище.

Сказал.

Вообще много чего сказал, но большей частью о том, что на самом кладбище происходило.

– Был, – согласился Шувалов. – И честно, не лучшие мои воспоминания, хотя... теперь у меня собака есть. То есть Зевс внешне похож на собаку, но немного больше обычной. И не совсем живой.

Мягко говоря.

– Поэтому и возникли некоторые... сложности. Пришлось стабилизировать структуру, уплотнять связь, в целом создавать ограничивающие контуры, чтобы не случилось вдруг... инцидентов.

Шувалов чуть поморщился.

– Это оказалось не так и просто, особенно с Синодом...

Я думаю.

– Но теперь вроде бы более-менее уладилось. Однако связь пока не настолько прочная, чтобы я отсутствовал долго. А с собой в школе умертвие держать не разрешат.

– Чтоб... – Орлов ткнул Демидова локтем. – Вот... вот свинство!

– В чём?

– У него теперь мёртвая собака есть!

– Она не мёртвая, – поправил Шувалов. – Она не совсем живая. А это немного разное.

Кто бы спорил с некромантом.

– А у меня нет! – Орлов оттолкнулся ногами и стул возмущённо затрещал.

– Так ты не некромант, – Демидов протянул ещё один расстегай, который был перехвачен Никитой.

– Ну да... – говорил тот с набитым ртом. – Ну и ладно. Зато вот... Дим, а ты можешь кое-что у отца узнать?

– Как сделать умертвие для тебя?

– Не... тут... другое... в общем, как он твоей матери в Смольный записочки передавал? Что? Между прочим там стена такая! И контур охранный тройной! Я проверял! А наставницы у них – злющие! Куда там твоему умертвию... мол, вы, молодой человек, ведете себя недостойно...

Орлов явно передразнил неизвестную наставницу.

– А я просто вот... поближе хотел... пообщаться.

– С тёмненькой? – Демидов подался ближе.

– Её Шурочкой зовут. Александрой. В госпитале познакомились. С ней интересно разговаривать. А эти мымры не дают... нет, я пока жениться не собираюсь, но вот просто... как-нибудь... он ведь её не просто так украл. Нет, я не знаю наверняка, но подумалось, что красть девушку, которую видела раз в жизни – это чересчур. Но даже если и так, то всё равно надо как-то договориться там. Время. Место. План института. Всякое-разное. И чтоб она не заорала от испуга. Так что должен был быть канал связи!

– Отец использовал воронов. Мёртвых, – уточнил Шувалов, когда Орлов подпрыгнул, обрадовавшись повороту. – Писал письмо, давал ворону и тот через чердачное окно пробирался. Оставлял в условленном месте и забирал ответное.

Кажется, от этакой схемы охренел не только я. Орлов едва расстегай не выронил.

– Воронов... – переспросил он с явной печалью.

– У меня воронов нет. А Зевс незамеченным не проберется.

Я представил себе тварь, которая крадётся вдоль стены, чтобы по ней подняться. Да, незамеченным точно не получится.

– Чтоб...

– Но я вполне могу попробовать поднять и ворона. Теперь могу. Сил стало больше. Намного. Хотя опыта нет, но...

– Нароботаем! – Орлов расцвёл. – Это ж ерунда... главное что? Главное, практика!

– К слову о практике, – Димка повернулся ко мне. – Отец просил передать, что на этих выходных будет готов к поездке. И ты отправляешься с нами.

– И ты едешь?

Дима кивнул.

– Отец считает, что мне будет полезно. Что... в общем, неверно было ограничивать рост моей силы. Могло всё закончиться... не так.

Не так.

И Шувалов, надо полагать, пережил не самые приятные эмоции, если настолько радикально изменил подход к обучению.

– Чтоб вас! – Орлов резко откинулся на спинку стула. – Яр! Они опять полезут куда-то! И без нас! Свинство!

– Полное, – согласился Яр.

– Вот!

– У вас тоже будет дело, – я произнёс это тихо, но был услышан. – В общем... во-первых, надо к выставке готовиться... хорошо готовится... там, чую, тоже будет... интересно.

Я оглянулся.

Тени до сих пор не вышли из спячки, а без них приходилось крутить головой.

– А во-вторых, надо побольше узнать о преподавателях. Возможно, что... в общем, кто-то тут... помогает тем, кто там.

Криво.

Косо.

Но меня поняли. Замер Орлов, и только в рыжих волосах проскочили искры. Чуть склонил голову Демидов, прикрыл глаза и сжал руку в кулак.

– И если я прав, то теперь они зашевелиятся. Ворона нет, и нужен будет кто-то другой.

Потому что на этой грёбаной выставке слишком многое сходится.

– Только на рожон не лезьте, ладно? Просто слухи соберите. Сплетни.

Орлов брезгливо скривился.

– Не самое красивое занятие, понимаю, но иногда среди вороха ерунды и попадается кое-что полезное. Причём интересно даже не то, кто с кем и как, а... просто вот странное. Необычное. То, что отличает от других и вообще... не знаю. всё, наверное.

Он, тот, кто прячется в школе, точно не химера, иначе выдал бы себя, когда звонили колокола. И это всё, что я знаю на сегодняшний день. И потому, поймав взгляд Орлова, поясняя.

– Никит, это важно. Это действительно важно, потому что...

На этой выставке, чувствую, решится будущее Империи, как бы пафосно это ни звучало. И хуже всего, что слишком много есть тех, у кого имеется свой собственный взгляд на это самое будущее.

Глава 4

В прошлом году¹ в Москве умерло 39 594 человека, на 1899 человек, или 5 %, больше, чем в предшествовавшем году. Принимая во внимание, что 3 % увеличения смертности может быть отнесено на счет увеличения населения. 2 % увеличения является продуктом ухудшения санитарного состояния и экономического благосостояния Москвы.

Московские вести

И вот мы стояли, разглядывая такой знакомый до боли двор. Правда, приведенный в порядок, но всё равно то ли родной, то ли чужой. Тимоха не спешил заходить. Опёрся на забор, прищурился. И Бучу выпустил, которая змеем скользнула меж штакетин. Обогнув дом, она вернулась и, покосившись на меня, фыркнула.

Чтоб...

Вот когда мои уже проснутся? Чувствую себя инвалидом, и это раздражает.

– Знаешь, мне вот всё равно сложно поверить, – Тимоха заговорил первым.

– Во что?

– В то, что вы рассказывали. Нет, я знаю, то вы не стали бы врать, но как-то оно в голове не укладывается. Вытягивать силу из людей... существ, – он потрепал Бучу по загривку и та радостно встопорщила перья. – Соединять тварей с людьми. Это как-то совсем уж за пределом моего понимания.

– Ага, – а что ему ответить.

Метелька вот просто глянул и промолчал. К Тимохе он относился с опаской, которая, скорее всего, происходила от резкой перемены. Слишком уж хорошо он помнил Тимоху другим, и теперь воспринимал по сути как совершенно нового человека.

А от новых людей и не понятно, чего ждать.

Главное, я и себя-то ловил на схожих мыслях. Да и сам Тимоха чувствовал себя неловко. Вот и стояли. Ждали, пока остальные подъедут.

– Мишка будет? – спросил я, когда молчание сделалось совсем уж тягостным.

– С Карпом Евстратовичем подъедут. И с Николаем.

– Как он тебе?

– Человек достойный. И Татьяна счастлива. Скажем так, из всех вариантов, которые были, этот лучший. Хотя дед предпочёл бы охотника. Наверное. Не знаю. Такое странное состояние, будто мир подменили. Взяли вот, пока я спал, и подменили.

– Пройдёт. Главное, что ты вернулся.

– Ну да...

– Что не так?

Метелька двинулся вдоль забора, время от времени подёргивая штакетин, словно проверяя, крепко ли держатся. Забор был свежим, и штакетин держались хорошо. Но это занятие его успокаивало.

– Проще сказать, что так. От Бучи почти ничего не осталось.

– Это? Да она сейчас выглядит куда лучше, чем раньше.

– И Таня говорит то же. Но я чувствую себя слабым, как никогда.

– Пройдёт. Та... штука...

– Вода, – Тимоха толкнул калитку. – Она не хранится. Точнее остаётся вода, какие-то примеси. Николай точно расписал, какие именно. Что-то вроде нефти, как я понял. Но силы в ней нет.

---

¹ В оригинале речь в 1908 г

Ага.

А вот в белой дряни сила сохраняется.

Почему?

– Там, в поместье, такая же была?

Тимоха глянул на меня.

– Дед рассказал, – пояснил я. – Перед смертью. В общем, что из подвала можно было выйти на ту сторону. Там были колонны и ещё вода, которая силы давала. Но мы ведь попали не туда, верно?

– Верно. К сожалению, я почти ничего не запомнил, картины размытые, даже не могу сказать, что из увиденного было на самом деле, а что – я выдумал. Но если сравнить с твоим описанием, то да, похоже. Только у нас не было углубления. Напротив. Терраса. Остатки колонн. И родник или источник, возможно, искусственного происхождения. Скорее всего, искусственного. Чуть дальше виднелись развалины города.

А про развалины дед ничего не говорил.

– Точнее груды камней, но такие... упорядоченные. Знаешь, как если бы что-то разрушило все дома и стены сложились внутрь. Тут куча, там куча.

Говорить на посторонние темы было легко. Но вот Тимоха шагнул во двор. И до дома добрался. И замок потрогал, новый, лоснящийся маслом. Ключ повернулся беззвучно, и замок упал на ладонь Тимохи.

– А вы не изучали? – спросил я. – Развалины? Вдруг там что-то есть?

– Камни. Только камни и ничего кроме. Если пройти дальше, то начинается степь. Ощущение, что часть этого вот, чем бы оно ни было, ушло под землю. Как если бы произошёл обвал или земля треснула, или что-то ещё...

В доме пахло теперь дымом и свежим деревом. И всё одно самую малость – гарью.

Тимоха осматривался с интересом. Да и я поглядел, заодно прислушиваясь к ощущениям – не дрогнет ли что внутри. Не дрогнуло. Не ёкнуло. И вообще, место как место.

– Нам туда. Вниз, – я провёл братца к погребу. – Там подвал, а в подвале лаборатория. Ну и остальное. А раскопки не проводили?

– Зачем? Туда и ходили-то только из-за родника. Он действительно прибавлял сил. Ставили опыты с водой, пытались найти способ сохранить.

– Не вышло?

– Увы.

Может, и к лучшему.

– А отец? Он бывал там?

– Бывал. Он как раз водой и занимался. Но подробностей я не знаю. Знаю, что с дедом они в том числе из-за источника поругались.

В подвал первой нырнула Буча, а потом и Тимоха спустился. Ну и я следом. Внизу теперь воняло химией и дымом, и вовсе...

– Проветрить стоит, – я зажал нос и выбрался наверх. – Тут, наверное, газы собрались, когда Мишка ту штуку взорвал. Он рассказывал?

– Да.

– И как он тебе?

– Жаль, что в род не хочет входить. Но я понимаю, – Тимоха отряхнул пыль и снял пиджак. – Чтоб... надо было не слушать Таньку, а одеться нормально. На той стороне точно изгваздаемся.

– Ага, – подтвердил я. – А что он в жандармы собрался? Ты не против?

– Служить государю почётно, что бы кто там ни говорил.

То есть не против.

– Я когда-то и сам подумывал... не в жандармы, конечно, но на границе Охотники лишними не будут. Только... как тут... род есть. И не оставить.

Есть.

И был, и есть. И теперь ответственность за этот самый род упала на Тимохины плечи, которые, конечно, могучи, но всё одно предел прочности имеют.

– А вообще что будет? Дальше? С нами?

– С нами... сложно сказать. Пока... не то, чтобы это тайна, думаю, слухи уже пошли, но одно дело – слухи, и совсем иное – официальное заявление.

– А это как?

– Это? – Тимоха усмехнулся. – Раз уж род Громовых официально признан погибшим, что не соответствует истине, то я, как нынешний глава, должен подать прошение в Канцелярию, дабы созвали Комиссию.

У меня сразу зубы заныли. Никогда не любил эту бюрократию.

– Комиссия рассмотрит прошение, на предмет того, имеет ли лицо, оное подавшее, право претендовать на имя рода. Если имеет, то откроется отдельное дело, с привлечением лиц из Геральдической палаты, а также Канцелярии и высших судебных чинов. Наново будут рассматриваться обстоятельства, приведшие к признанию рода погибшим, проводиться следствие, а также разбираться вопросы имущественные. Сам понимаешь, что порой наследник находился лет через пять или даже десять, когда имущество, перешедшее согласно закону к короне, уже находилось в иных руках. Тогда вставала речь о компенсации.

– То есть – дело небыстрое?

– Я бы сказал, что без должной поддержки очень и очень медленное. Если память не изменяет, то в своё время, когда вдруг объявился законный сын графа Никольского, сгинувшего на войне, процесс длился семь лет. Из них пять заняло обсуждение именно компенсации, поскольку часть имущества графа перешло к его деловым партнерам, часть – короне, а что-то и Синоду досталось. Поэтому всё было сложно.

Ну, Громовы не так давно сгинули.

Хотя... ладно. Сейчас я просто счастлив, что есть Тимоха, который и будет всем заниматься.

– В нашем случае всё ещё сложнее.

Так много имущества?

– Как только я начну процесс, появятся те, кто заявит, что я не имею права претендовать на роль главы рода. Найти свидетелей, которые видели меня... в прежнем состоянии, скажем так, не сложно.

– И тогда?

– Тогда, если меня признают душевно больным или, паче того, нестабильным, то останетесь вы с Татьяной. И поскольку позаботиться о вас некому, то будет стоять вопрос о передаче вас и рода Громовых под опеку.

Чтоб же ж.

– И да, заявление Николая Степановича о моём здоровье оспорят. Как лицо заинтересованное, он не будет иметь права голоса. Да и Гильдия, думаю, не упустит случая.

То есть Громовым пока стоит побыть покойниками.

– Но всё это, если и случится, то не скоро, – утешил меня Тимоха. – К счастью, никто не обязывает нас подавать прошение прямо вот сразу. Да и... Канцелярии сейчас не до того. Загружена она сверх меры.

И хорошо.

Наверное.

– А в дальнейшем – разберемся. И со мной, и с вами. И с Михаилом. Кстати, ему Карп Евстратович новые документы выправил. И с Воротынцевыми мы не то, чтобы замирились, но подписали соглашение.

А этот момент я пропустил.

– Вы?

– Мы. Михаил отрекся от прав на наследство Воротынцевых, и за себя, и за будущих детей. Мы с главой рода Воротынцевых заключили договор о мире.

Тимоха вздохнул.

– Что не так?

– Всё не так. Как подумаю, что из-за одного придурка случилось, так выворачивает. Дед Воротынцевых не любил, это верно. Считал, что во многом они виноваты, что отец сбился с пути. А старый Воротынцев винил нашего в гибели сына.

Если тот погиб.

Слишком уж много во всей этой истории живых мертвецов.

– Но это была обычная вражда. Если покопаться, то таких историй хватает. Но мы не воевали. Ну, когда предоставлялся случай, они делали гадость. Мы тоже. Но у нас возможностей было поменьше. И подмяли бы они нас с превеликой охотой. Да и мы бы не упустили возможности... в теории.

Киваю. И уточняю.

– То есть до смертоубийства дело не доходило.

– Именно. Одно дело – взаимная нелюбовь. Она не такое и редкое явление. Порой веками тянется. Скажем, Апашевы и Тутины три сотни лет так друг с другом враждуют. Но чтобы покушаться, чтобы пытаться убить...

– Тим, а если... в общем, а если бы он вас на алтаре рода в жертву принёс? Я про Сергея Воротынцева? Я... в общем, я кой-чего послушал... ну, там как раз оказался, в подвале... и...

Говорить? Про жертвоприношение? То, которое я ненароком учинил?

Или нет?

Нет. Не из недоверия. Скорее наши с Морой дела – это наши с ней дела. И не стоит вмешивать в них братца.

– Он собирался оттащить вас вниз и принести в жертву. Какой в этом смысл?

– Никакого, – Тимофей ответил сразу. – Абсолютно. Точнее, он бы свою душу замарал так, что... жертвоприношения – это мерзость.

На всякий случай я кивнул, мол, полностью согласен.

– Есть, конечно, нюанс...

Окна в доме Тимоха тоже распахнул, потому что запах из подвала пополз в комнаты.

– ...такие, как мы, несущие иную силу, могут в теории принести в жертву Море другого человека. И если жертва будет принята, сочтена достойной, то Мора отблагодарит. Это если верить старым книгам. Но Воротынцевы – не охотники.

– И не могут приносить жертвы?

– Могут. Ещё как... Инквизиция в Европе не так просто следит за одарёнными. Когда времена Тьмы сменились временами Смуты, и там было неспокойно. Люди обретали дар, но силы никогда не бывает достаточно. Они искали способ увеличить её. В том числе через жертвы. Тогда и появились обряды, которые ныне запрещены. Печати крови.

Звучит... да в духе реалий звучит. Чую, что название и суть обряда отражает.

– Одарённую жертву убивали, выпуская кровь, и через эту кровь тот, кто жертву приносил, забирал её силу. Не всю, но приличную часть.

Донорство, стало быть.

– И как?

– И так, что некоторые увлекались. Казалось, что способ довольно лёгкий. Ну, не считая того, что требовались дарники, а их не так просто найти. В Европе вон до сих пор вспоминают Кровавого колдуна или ведьму из рода Батори, которая получила такую силу, что совладать с ней смогла лишь полная звезда Инквизиторов. Но истинная проблема в ином. Чем больше силы собирали люди, тем более безумными они становились.

А Сергея Воротынцева нельзя было назвать нормальным.

Но сам по себе он был придурком? Или жертвоприношение планировалось не первое?

– И речь идёт не только о жажде крови. Та же ведьма из рода Батори по воспоминаниям свидетелей менялась, как если бы в её теле жили разные люди. Она разговаривала многими голосами, и женскими, и мужскими, называла себя разными именами...

В общем, налицо раздвоение личности или как его, если по-умному.

– Более того, даже суть её дара изменялась. Сейчас ритуалы запрещены, а вся информация о них уничтожена.

– Суть, значит... а если он хотел стать Охотником? Если рассчитывал, что с помощью этой вот печати заберет и ваш дар, и вашу силу?

Тимоха покачал головой.

– Не знаю. Зачем оно ему?

Вот именно.

Зачем?

Ладно бы собственную силу прокачать, тут понятно. Но сменить квалификацию? И столь радикальным образом? Рискую оставить в процессе остатки мозгов? И подставиться самому, подставить род? Ведь план мог бы и не выгореть. Дед отказался бы от встречи с Мишкой.

Мишка забыл бы коробочку в машине.

Артефакт не сработал бы или сработал, но не так, как надо. В общем, многое могло произойти. Тогда что заставило Воротынцева так рисковать?

Или кто?

– Эй, – Метелька постучал в окно. – Гостей встречайте, что ли...

– Всё-таки вы выросли, – произнёс Тимоха, поднимаясь. – Это как-то... непривычно.

– Привыкнешь.

– Это да...

– Скажи, – я тоже встал. – А вот... ты же в университете учился, верно?

– Было такое.

– И как?

– Если полагаешь, что меня пытались вовлечь в тайное общество, то это да. Но не учёных. Скорее уж мы тайно пили, тайно делали гадости другим тайным обществам и тайно играли в карты. И тайно ходили по бабам. Ну и рассуждали о будущем державы. Но дед как-то узнал.

– И?

– Выпорол. Сказал, что такая учёба до добра не доведёт, и я или берусь за ум, или возвращаюсь домой. Второй вариант его устраивал даже больше.

– И ты?

– Взялся за ум. И перевелся из Петербурга в Минск.

По настоянию деда, надо полагать.

– А вот ни о чём таком, о чём ты бы хотел знать, я не слышал. Если и были какие-то организации, то, в отличие от нас идиотов, действительно тайные.

Жаль.

И Тимоха уловил мой настрой.

– Ничего. И тайные раскопаем, – он потянулся, расправляя плечи. – Раскопаем и найдём того урода, с которого я за деда спрошу. И за всё прочее тоже...

Спокойно так сказал.

Только нехорошо. У меня вон по спине мурашки пробежали.

Глава 5

Существующие экономические условия выдвигают все новые и новые формы женского труда. В г. Николаеве Н. В. Левитским организованы три новые артели женщин-грузчиц в Николаевском порте. Это – первый опыт приложения женского труда в портовых работах. В общем, вошло во все три новые организации до 500 женщин. При хлебных нагрузках женщины исполняют лишь вспомогательные, посильные для них работы. Если опыт увенчается успехом, примеру Николаева последуют и другие торговые центры, как Херсон и Одесса.

Голос Москвы

Всё те же, всё то же...

Шувалов, который бережно несёт покойную девицу. Сейчас она завернута в мягкий плед, из-под которого выглядывает атласный подол платья.

Купили, стало быть.

И когда плед соскользнул, стала видна и туфелька, в цвет платья и расшитая камушками. Красивая, пожалуй. Только от этой красоты ком подкатил к горлу.

Димка шёл за отцом, в чёрном костюме, строгий, серьёзный с этим своим аристократически-одухотворённым выражением лица. И нос ещё задрал, надо полагать, для пушей важности. В руках Димка нёс солидного размера кофр. Ну а сзади за ним, прикрытый попонкой, вышагивал зверь. Честно, если б в сумерках, может, и сошёл бы за дога там или мастифа, но посеред дня чёрная попона выгодно контрастировала с костяной белизной.

На нас Зевс и не посмотрел, а вот на соседку, голова которой показалась над забором, уставился с немалым интересом.

– Божечки! – женский вопль пронёсся по округе. – А мамочки мои родные...

– Спокойно! – Карп Евстратович сделал шаг к забору. – Проводится операция!

Договорить он не успел.

Громко хлопнула дверь, и стало опять тихо.

– А мама предлагает ему сшить маску, чтоб морду прикрывала. И комбинезончик... – произнёс Димка задумчиво. – Я думал, будет глупо, но, кажется, надо бы.

Зевс вздохнул.

Вот сдаётся мне, что и эта скотина понимает куда больше, чем принято думать.

– Занятная у тебя животино, – сказал Тимоха, наклоняясь. – Я, конечно, слышал, но как-то поменьше его представлял.

– Просто я пока не рискну оставить его одного, – Димка похлопал по загривку. – Но он спокойный. Послушный.

– И находится под полным ментальным контролем, – добавил Шувалов-старший, явно приносиваясь. – Извините... тут запах такой. Своеобразный. Взрывали что?

– На той стороне, – Мишка выбрался из той же машины, из которой вышел Карп Евстратович. И я даже не узнал братца, настолько изменил его этот серый в тонкую полоску костюм. И котелок, и тросточка. А говорят, что не одежда красит человека.

Ещё как красит.

Теперь его точно не приняли бы за мастерового.

– Что ж, – Тимоха поглядел на меня и взгляд был тяжёлым. – Я, конечно, не слишком рад, но понимаю необходимость проведения обряда. Хотя предпочёл бы обойтись своими силами.

Это он про меня?

Э нет, я такое не пропущу.

– Боюсь, ваша сила пока под вопросом, – откликнулся Шувалов с очаровательной улыбкой. – А без помощи того, кто не единожды показывал свои... способности, скажем так, я не рискну работать. И так во многом будем полагаться на удачу.

Последним из машины выбрался Николая.

И тоже с кофром, который Мишка хотел забрать, но целитель покачал головой. С прошлой нашей встречи он ещё сильнее осунулся и похудел. Костюм сделался ему велик, и потому выглядел Николая несколько несуразно. Вот только никто и не подумал улыбаться.

– Я бы вообще предпочёл отложить всё на недели две-три, – произнёс он сухо. – Вы, Карп Евстратович, далеко не в лучшем состоянии. Да и я сам...

– Времени мало, – Карп Евстратович вытащил часы, будто именно они показывали то самое, уходящее время. – Да что там, его почти и не осталось уже.

Тик-так.

– Что ж, тогда не будем затягивать...

– Ироды! – дверь приоткрылась, но соседка так и не посмела выглянуть. – Язычники!

Странно, что Михаил Иванович не счёл нужным явиться. Хотя у него там свои дела, свои вопросы. И свои сложности, надо полагать.

В подвале всё так же воняло. И ёкнуло сердце, когда я приложил раскровавленную ладонь к стене. Откроется или нет? А вдруг механизм сломался? Или те, кто приходил к Мишке, сломали его? Потом уже, позже? Что мешало им вернуться и...

Снова запах.

Смесь гари, тлена и иного мира.

И лампа под потолком вспыхивает. Свет заполняет комнату, которая казалась довольно просторной, но не для такого количества людей.

Я потянул Метельку, и мы отошли в сторону, позволяя осмотреться.

Мишка встал рядом.

– Как ты? – тихо спросил я. – Вижу, имидж сменил.

– Что?

– Одежду. Внешность.

– А... да... и документы тоже.

– И кто ты теперь?

– Михаил Иванович Айты. Это тайное имя матушки. Его даёт шаман, когда дитя входит в возраст. До того имени нет, есть лишь прозвище. Пока нет имени, дети как бы не живут, а значит, и для злых духов они не интересны, зато духи рода могут их защищать. А вот позже, потом уже, шаман уводит дитя в горы и даёт ему первое, тайное, имя. И оно известно лишь самым близким. Это имя связано с душой.

Красиво.

И верю, что действительно связано.

– Для всех есть и второе. А когда она вошла в род Воротынцевых, то взяла и третье. Но эти имена – просто слова. А то... я подумал, что будет правильно.

– Необычно, но да. Правильно. И звучит. Род Айты.

– До этого ещё далеко, – Мишка скрестил руки на груди.

– Но возможно?

– Да. Сейчас служба и вправду открывает возможности. Но...

И закрыться они могут, если Государь вдруг передумает идти в светлое будущее. Или не передумает, а, скажем, погибнет.

Может такое случится?

Может.

Ещё как может, потому отчасти мы и тут.

– И как служба?

– Пока не разобрался, слишком много всего. И я присматриваюсь, и ко мне, но точно интересней, чем в мастерской. В мастерской некромантические обряды не проводят.

Вот и я думаю, что у него получится.

– Она умерла не здесь, – голос Шувалова прозвучал на удивление громко, как если бы ему тоже было тесно в этой комнате. – Надо дальше.

– Дальше – совсем та сторона.

– Не важно. Связь есть, но... здесь что-то другое. Мешает.

Он поморщился и, осмотревшись, положил свою ношу на кровать. Закрыв глаза, развёл руки, точно нащупывая что-то в воздухе.

Вдох.

И выдох.

– Граница... заперта... запрет. Защита? Возможно, здесь ставили защиту.

Логично, что-то, что не позволило бы тварям с той стороны пробираться на эту.

– Там... не полынья, врата, – сказал я.

И Тимоха увидел.

Или Буча?

Главное, что и они никуда не делись. То есть тот, кто приходил за Мишкой, не сумел закрыть? Или не умел? Или их вообще нельзя было закрыть? Может, это сперва полынья появилась, а уже потом, вокруг неё, дом с лабораторией?

Хотя... стыкую сову с глобусом, а на результат оно не влияет.

– Метелька, тут останешься, – я сказал это тихо. И на обиженный взгляд пояснил. – Просто мало ли, вдруг эта дура полицию позовёт. Или не полицию, а людей с вилами там... или ещё что. Да и вообще. Чую, не стоит ждать, что всё пройдёт по плану. И если вдруг нет, надо, чтобы кто-то остался и позвал на помощь. Или хотя бы Таньке позвонил.

Он кивнул.

Хотя всё равно обиделся. И не столько на меня, потому что понимал, что я прав, сколько на обстоятельства. И на то, что он самый слабый.

И вообще на всех и сразу.

Бывает. Но обида – это ничего. Главное, чтобы следом не полез.

На той стороне ничего-то с моего прошлого сюда визита и не изменилось.

– Прошу, – Шувалов вытащил изящного вида очки, которые протянул Николая, а потом и Карпу Евстратовичу. – Экспериментальная разработка. На пару часов хватит. Но, Карп Евстратович, когда я поставлю круг, вам придётся их отдать. И все артефакты тоже. Они мешают устанавливать связь.

А в пещерах запах дыма то ли развеялся, то ли впитался в камень.

В остальном всё было по-прежнему. Коридоры. Лабиринты.

Зал. Каменное крошево плотным слоем на полу. И на нём уже виднеются пятна то ли мха, то ли лишайника. Они чёрные, с красноватым отливом, и Николай задерживается, склоняясь над особо крупным.

– Ничего не трогать! – Тимоха успеваешь перехватить руку. – Здесь любое растение может оказаться ядовитым.

– Да. извините.

Николай смущается. И косится на меня.

– Если вам что-то нужно, скажите, – Тимоха смягчается. – Мне или Савелию. Он будет рад помочь...

– Образцы. Я вот захватил с собой...

Кофр находит место на полу, и из него появляются колбочки с плотно притёртыми крышками.

– И что собирать?

– Всё, что видите. Камни. И это вот создание... и другие, какие будут. Кость! – уж не знаю, как Николая разглядел эту черепушку, которая с белыми камнями практически сливалась, но сейчас он опередил Тимоху, мигом забыв о том, что было сказано. – Череп! Это череп!

Тимоха вздохнул, но отбирать не стал. Явно не счёл опасным.

– Надо же...

– Там много костей, – произнёс Мишка. – На той стороне. В лаборатории. В ящике. И черепа тоже есть. Разные.

– Да?! надо будет забрать. Обязательно. Это... это...

Я ощутил шевеление внутри. Как будто газировки перебрал. И теперь газы, скопившись внутри, грозили вырваться.

Тени.

Тьма скользнула на камни, распластавшись поверх них чёрным ковром, а уж на него и плюхнулся Призрак.

– Стоять! – я успел повиснуть на руке Тимохи. Не знаю, что он там собирался делать, но явно не для рукопожатия ладонь протягивал. – Это свои. То есть мои. Призрак и Тьма. Призрака ты должен помнить.

– Помню. Он был... поменьше.

Ну да.

Конкретно так.

И пусть я выпил той пакости немного, но и этого хватило. Призрак не просто вырос, он словно плотнее сделался. И форма стала чётче. Пёрышки на шее, крылья эти, которые он подобрал и свернул хитро. Клюв поблескивает, и щёлкает, норовя захватить пальцы. И уже когда я запускаю руку, чтобы погладить, то чувствую натуральную шелковистость перьев.

И Призрак присвистывает, щёлкает, ухает, точно спеша рассказать сразу и обо всём.

– А Тьму... ну, она появилась уже позже, когда ты приболел. Но она славная.

Чёрное покрывало собралось в более компактное чёрное облако. Она не спешила ластится, скорее я ощущал некоторую настороженность. Правда, не по отношению ко мне. Связь была прочной и нападать тени явно не собирались.

– Славная... – произнёс Тимоха презадумчиво. – Очень... у тебя их две?

– Ага.

Вроде же говорил. Или нет?

Выходит, что запамятовал. Нет, оно можно понять, потому что и без этого хватало новостей.

– И каково это? – уточнил Тимоха, присаживаясь на корточки. Трогать их он не пытался, но разглядывал с немалым интересом.

– Отлично. Больше теней. Больше возможностей...

– И больше нагрузки, – Тимоха покачал головой. – Даже одна взрослая тень... даже та, которая тебя приняла и признала, она всё одно невольно тянет силы и давит на разум. Они не люди...

– Это я уже понял. Но без неё мы бы не выжили. Без них.

И не только мы.

– Это невероятно! – голос Николая заставил Тимоху замолчать. Вряд ли он бы поверил, скажи я, что справлюсь. – Вы только взгляните! Это не просто череп, это... этот череп принадлежит человеку! То есть он невероятно близок, хотя есть некоторые различия, но главное – другое. Главное, что оно... оно из этого мира, вы понимаете?

– Нет, – честно ответил Тимоха, которого вид черепа совершенно не впечатлил.

– Это свидетельство наличия здесь разумной жизни! Или околоразумной! Это всё меняет! Радикальным образом...

Далеко не для всех, но не мне разбивать чужие иллюзии. Я коснулся пальцами Тьмы. Облако было одновременно и мягким, и колючим.

Как... стекловата?

Пожалуй.

Тьма ответила ощущением радости и удовольствия. Ей тоже нравилось внимание? Похоже на то.

– И подтверждает необходимость исследования мира, создания...

– Эй, – в пещеру заглянул Шувалов, поморщился и отступил на шаг. – Вот... исключительно из дружеского расположения, которое я к вам испытываю. Настоятельно не рекомендовал бы находиться здесь долго.

И нос зажал пальцами.

Я принюхался, но ничего-то эдакого не уловил.

– Не имею представления, что здесь было, но подобные эманации характерны для мест, где происходили массовые жертвоприношения, – Шувалов говорил на диво гнусавым голосом. И продолжал пятиться. – Фон создаётся совершенно особый, ни с чем не спутаешь. А здесь он выражен намного отчётливей... что бы тут ни стояло, вы правильно сделали, разрушив это.

– Но... – Николая явно не желал расставаться с черепом. – Как же... тут...

– Поверьте, там где приносились жертвы и не от случая к случаю, а постоянно и... да, довольно долго, – он всё-таки убрал пальцы от носа и сделал длительный глубокий вдох. – Там не может появиться ничего хорошего.

– А плохого? – уточнил я.

– Плохого? Скажем так... могильник – не самая серьёзная тварь, которую можно встретить.

Я посмотрел на камни.

Чтоб... может, ещё динамита попросить? Ящика три-четыре, чтоб уж наверняка?

– Это место не принадлежит нашему миру, но я бы предпочёл и сам вход заложить. Или завалить, – Шувалов постучал по стене. – Но это уже потом, если вы захотите.

Мы с Тимохой переглянулись. Вот прям по глазам вижу, что очень даже захотим.

Или захочет.

– И позже. Сейчас прошу вас, – Шувалов отступил, снова осмотрелся. – А я, пожалуй, задержусь... чтоб... и смотрите там под ноги, краска пока не засохла, поэтому постарайтесь не смазать. Чревато, знаете ли...

Сам он присел на корточки и провёл по пыли линию.

Поморщился, взгляд поднял.

– Что-то не так? – Тимоха, подтолкнув нас в спину, остановился.

– Многие... в любом другом случае я не рискнул бы проводить обряд. Мало того, что мир иной, так ещё и это вот... а жертвенник ставил тот, кто знаком с основами. И не только с основами. За пределами пещеры эманации не ощущаются, следовательно, тот, кто занимался этим всем знал, как ограничить распространение энергии. Но здесь-то она осталась, – Шувалов покачал головой. – Призыв будет слышен далеко, а вот кто на него явится... попробую поставить запретные печати в дополнение к тем, что есть. И да, ещё пару защитных кругов. Это займёт время... надеюсь, вы не торопитесь.

Шутит, зараза некромантская.

Но и хорошо. Значит, всё или нормально, или почти.

Глава 6

В течение прошлого года городскими ловцами было изловлено 3478 бродячих собак. Эта цифра значительно выше по сравнению с прошлыми годами, когда ловля производилась обществом покровительства животным. Обыкновенно число изловленных собак не превышало 2500. Из всего количества пойманных в прошлом году собак выкуплено владельцами 780, остальные были отправлены для уничтожения на утилизационный завод Шово. Расход на ловлю собак составлял 9100 р., и каждая пойманная собака обошлась городу 2 р. 62 к.

Московский дневник

Ритуал.

Что сказать про ритуал?

Пещера, та, которую мы уже видели. Клетка. И прутья всё ещё крепки, пусть ржавчины стало больше. Запах тлена и праха.

Смерти.

Тоска.

Карп Евстратович, лицо которого окаменело. И понимаю. Одно дело – рассказ, и совсем другое, увидеть, где умирали близкие ему люди.

Правда, кое-что изменилось.

На полу клетки появился круг. Такой, характерно-демонический, прям от одного взгляда на него становилось очевидно, что Синод это дело не одобрит. Символы сплетались друг с другом, складываясь в другие, а те – в третьи, и всё это казалось живым, потому что прямо под взглядом моим символы менялись.

С другой стороны клетки появился ещё один круг, побольше, но связанный с первым дорожками рун. И всё это добро опоясывалось третьим, правда, не кругом, скорее уж эллипсом, поскольку пещера всё-таки для проведения ритуалов не предназначалась. Вот Шувалов и вписал свою некромантику в реальную геометрию пола.

В центре первого круга лежала девушка. Тело изменилось. Нет, она не стала более живой, конечно. Мумия мумией и осталась, но всё равно будто... будто её в порядок привели?

Волосы расчесали.

Заплели.

Платье это.

Туфельки, аккуратно примотанные к ногам шелковыми лентами, вроде как пуанты. И ощущение некоторой несурзанности, а вместе с тем – горя. Карп Евстратович, присев на корточки, поправил подол белого платья. И сунул в руки шкатулочку.

Что там?

Не знаю.

Затем вытащил из кармана свёрток, в котором обнаружилась трубка.

– Это Глыбы. Жена подарила, когда ещё была жива, – произнёс он, хотя никто-то здесь не задавал вопросов. – Он курил редко, но только эту. И когда не курил, доставал просто. Держал. Говорил, что думается легче...

– Хорошая вещь.

– А это Тишеньки, – сказал он, укладывая рядом деревянную лошадку. Старую, с облезшим боком и почти стёршимся глазом. – Он с ней малым не расставался, да и потом уже, вроде стал и старше, а хранил. Прятал под кроватью. И выкинуть не давал. Но и не признавался, что она ему нужна.

Вещи.

Те вещи, которые имели ценность. И здесь понимаешь, что настоящая ценность – это совсем не про золото.

– И зубик его первый, выпал...

– Хорошо, – Шувалов сделался максимально серьёзен. К вещам он не притронулся, а вот на лбу и ладонях покойницы нарисовал очередной символ, причём не краской, но собственной кровью. И второй такой же – на лбу и ладонях Карпа Евстратовича. – Карп Евстратович, считаю необходимым предупредить вас, что ритуал опасен. И в обычных условиях опасен, а в нынешних – вдвойне или втройне. Люди умирали медленно. Их души будут полны обиды и гнева, и ярости. Я даже сейчас ощущаю эхо эмоций.

– Я...

– Погодите. Да, допрос нужен и важен, именно поэтому я не отказал сразу. Но в подобных ситуациях порой случается, что эмоции стирают и разум, и личность. Поэтому нужно быть готовым к тому, что на ваши вопросы ответа не будет. И что вместо друга в вас увидят просто того, кто жив, тогда как они – мертвы. В данном случае мне придётся прервать ритуал и успокоить их. Но...

– Но?

– Это не всегда просто сделать. И я могу не успеть. Вы действительно рискуете остаться здесь. Четвертым. Вы это понимаете?

Интересно, в который раз Шувалов это рассказывает?

– Понимаю. Он был сильным. Глыба. Стихия всегда оставляет свой отпечаток. И если есть хоть малейший шанс, он его использует. Да и Анечка... она...

– Она умерла, – Шувалов произнёс это жёстко. – И смерть её была тяжёлой. А её отец видел это, видел гибель своих детей. А если не видел, то осознал, что шанса на спасение нет. Поэтому сила – ещё не гарантия.

– Я готов.

– Хорошо, – Шувалов несколько не удивился. – В таком случае ещё раз. И для всех. Громовы, вы держите границу, следите, поскольку ритуал вызовет возмущение энергетического поля, а это точно привлечёт внимание. Есть тут кто или нет, ваша задача сделать так, чтобы мне под руку не лезли местные твари.

– Понял, – ответил за всех Тимоха. Мишка кивнул.

А я... а от меня ответа не ждут.

Ну и ладно.

– Если вдруг что-то, с чем вы объективно не способны справиться, говорите. Но так, чтобы минут пять в запасе осталось, поскольку подобные ритуалы нельзя просто бросить и уйти. Дима, ты наблюдаешь и поддерживаешь силой. Своего зверя держи рядом, если я говорю уходить, уходишь. Ясно?

Молчание.

Димка категорически настроен на подвиг.

– Ясно?! Или мне тебя сейчас отправить домой?

А Шувалов вот опытный, и понимает, что не во всяком героизме есть смысл.

– Да, отец. Обещаю.

– Хорошо, – голос стал мягче.

– Карп Евстратович. С вами всё переговорено. Но ещё раз. Из круга не выходить. На плач не поддаваться, на жалобы тоже. Никаких обниманий на прощанье, последних поцелуев или желаний спасти. Спасти невозможно, но можно отпустить, что я и сделаю. Возможно, вам покажется, что я причиняю им боль. Или не покажется. Не важно. Главное, не стоит пытаться останавливать меня или как-то мешать. Ясно?

Кивок.

– Николай Степанович. Вы держитесь рядом. И следите за состоянием Карпа Евстратовича. Можете поддерживать его силой. Накопители захватили?

– Конечно.

– Хорошо. Берите сразу пару. Карп Евстратович, не отказывайтесь. Сила здесь будет уходить, что вода в песок... и да, давайте так, чтобы это всё не было зря.

Он снова повернулся к нам.

– Внутри круга не заходить, слышите, охотники? Граница незыблема, пока кто-нибудь её не нарушит. И не важно, с какой стороны. Поэтому, вас почуют, но и только. Возможно, будут пытаться заманить или напугать, но пока вы сами не шагнете внутрь, вы в безопасности.

Шувалов встряхнул руки.

– Что ж... если никто не передумал.

Я.

Как-то этот допрос перестал казаться таким уж нужным. И чувство появилось, что всё опять пойдёт через задницу.

– ...начинаем.

Наше место было у выхода, что разумно. Если твари и полезут, то по проходам с норами. И потому тени растеклись, контролируя пространство.

– И всё-таки, – задумчиво произнёс Тимоха, провожая взглядом Тьму, – кого-то она мне напоминает.

Чтоб...

А я ж не рассказывал, откуда она взялась-то.

– Я потом расскажу, – тихо пообещал я. – Она славная...

Как тигр-людоед, который вдруг решил сменить имидж и начал цирковую карьеру. И забывать об этом не стоит.

Голос Шувалова заполнил пещеру.

Латынь?

Чтоб... теперь понимаю, почему Димка в ней так шарит.

– А почему на латыни? – спросил я у Тимохи. – Он же ж наш, российский, некромант. Ему логичнее на старославянском там или церковном.

Тимоха фыркнул. Ну да, с церковью я переборщил. Она некромантию не одобряет.

– Россия даже в Тёмные времена была едина, – пояснил Тимоха. – А Церковь изначально крайне неодобрительно относилась ко всему, что связано с вызовом душ. Вообще полагала, что не стоит беспокоить мертвых.

И после того, что на кладбище случилось, я с ними согласен.

– В старые времена некроманты занимались как раз тем, что упокаивали кладбища, вычищали тёмную силу, не позволяя той плодить болезни. А вот в Европе всё иначе. Там единства не было. И власть Рима, скажем так, многими ставилась под сомнение, как и способность защитить людей. Изначально именно дарники встали во главе, когда родов, когда городов или даже стран. И пока люди воевали против тварей, это имело смысл.

– Но потом они начали воевать друг с другом?

Голос такой странный.

И вообще. Я будто слышу слова, но в то же время издали, сквозь слой ваты. А письма на полу наливаются силой. Тёмной, Шуваловской.

– Именно. И тогда выяснилось, что жертвоприношения могут эту силу увеличить. А ещё, что мертвецов можно не только упокаивать, но поднимать.

– Армии покойников?

– Нет. Это... скажем так, требует много сил. А вот толку от подобной армии – чуть. Просто поднятые мертвецы умом не отличаются. И в целом требуют постоянного контроля. Но

вот призвать души, натравить их на кого-то. Или допросить, заставив выдать что-то ценное. Или иным способом использовать – это да. А поскольку языком науки там всегда была латынь, то записи делались на ней.

То Шувалову приходится говорить на ней.

– А переводы?

– Не знаю, – Тимоха пожал плечами. – Наверное, не работают. Или не нашли никого, кто мог бы сделать внятный перевод.

Шуваловская сила ощущалась плотным дымным облаком. Она разлилась по полу, наткнувшись на внешнюю границу, напитала её и поползла выше, разделяя мир кромешный и... мир кромешный?

Как правильно.

– Но именно тогда и стало понятно, сколь опасны жертвоприношения. Дарники теряли разум. Порой настолько, что уничтожали и собственные семьи, и даже целые города. О Проклятом Гаммельне до сих пор помнят, хотя уж лет пятьсот минуло. Именно тогда возник орден Рыцарей Святого Престола, который поставил целью взять всех дарников под контроль.

– И как?

– Никто, ни рыцарь, ни монарх, не смеет перечить церкви сегодня, – ответил Тимоха без тени улыбки.

Теперь голос изменился.

Он звучал мягко, вкрадчиво, будто Шувалов уговаривал кого-то.

– И да, когда Рыцари начали свой очистительный поход, то они давали выбор. Признать над собой власть Святого Престола и подчиниться новым правилам служения Господу, или умереть. Те, кто предпочитал второе, тоже были. Особенно поначалу. Их замки сжигались, дома разорялись, а библиотеки...

– Переходили Святому Престолу?

– Именно. Каждый год Ватикан публикует свежий список запрещённых книг, которые, буде они обнаружены, надлежит передать в руки ближайшего священника. А наказание за сокрытие таково... в общем, не знаю, где и когда Шувалов раздобыл трактат.

Ага. На почитать взял.

– Хотя в своё время, когда очистительный поход набрал размах и стало очевидно, что жизнь меняется, многие дарники предпочли переехать. Или не дарники. Даже у самого ненормального мага есть слуги. И когда хозяин гибнет, слуги бегут.

– Прихватив с собой что-то ценное?

– Именно.

Нельзя сказать, что это стало такой уж новостью. Но да. Кто-то сбежал, кто-то переехал. А некромантам проще иметь дело с некромантами. И случая пополнить семейную библиотеку Шуваловы не упустили бы. А может, когда-то кому-то и помогли, протянули руку помощи.

И можно, конечно, спросить, но зачем?

У Шуваловых свои секреты. У Громовых – свои. И пока мы уважаем тайны друг друга, будем жить в мире и согласии.

– А у нас? – я смотрел, как воздух в круге становится более густым, плотным. Это ощущалось даже на расстоянии. И фигуры людей в нём стали серыми, будто этот воздух выпил иные цвета. – У нас не было такого? В России? С жертвоприношениями?

– Было, конечно. Не в таких масштабах, как там, но всё же было. Страна велика. Это создаёт определённые проблемы. И время от времени находились те, кто полагал, что Государь и Синод, они где-то там, далеко. А потому не стоит обращать на них внимание. Что руки не дойдут... но доходили. В отдельных вопросах и Романовы, и Церковь приходили к полному взаимопониманию.

И это правильно.

Полностью поддерживаю.

– Дело в том, что если убить одного человека – мало что изменится, трёх-четырёх... тоже не заметят, – Тимоха говорил тихо, спокойно, как о вещах, пусть и неприятных, но вполне обыденных. – Проблема в другом. Заёмная сила, судя по тому, что я знаю, со временем уходит.

– То есть всё нужно повторять?

– Да. И жертв становится больше, а разума меньше. Обычно тогда уже и люди начинают замечать, и так-то... Кстати, обычно некроманты и шли зачищать места. После того, как Синод устранил основную угрозу.

Я увидел её раньше Тимохи, всего на долю мгновенья, но раньше.

Бледная тень шагнула из ниоткуда, чтобы потянуть плотный воздух в себя. Это как вдох, только сделал его мертвец.

И ответом, совсем рядом, выдохнул Мишка. А потом раздался голос:

– Дядя? Дядя Карп... дядя, вы пришли за мной? Вы меня заберете отсюда? Мне так страшно... мне так холодно... пожалуйста! Пожалуйста, заберите меня...

Глава 7

Недавние уличные беспорядки, происходившие в Петербурге и других городах при непосредственном участии воспитанников наших высших учебных заведений и слушательниц различных женских курсов, представляют явление столь печальное, что над ним нельзя не задуматься.

Если мы справедливо ужасаемся, когда нам приходится слышать о бесчинных действиях черни и стачечников на Западе, то что сказать о тех случаях, когда действующими лицами беспорядков являются молодые люди и девицы едва переступившие порог среднего школьного возраста...

Московские ведомости

Этот тонкий голосок слышен был явно и чётко. Более того, он вызывал боль. В макушку будто иглу воткнули, и я зашипел.

– Сав? – Тимофей повернулся ко мне.

– Всё нормально. Просто что-то... такое. Не понятно. С ней надо осторожней, – я говорил шёпотом.

– Ты её видишь?

– Да.

И ясно.

Девушка в белоснежном платье замерла на границе круга. Кстати, границу я тоже видел, этакое бледное марево, что протянулось у ног, впрочем, не позволяя покойнице шагнуть.

В другом круге, тоже на грани, удерживаемый Шуваловым, замер Карп Евстратович.

– А ты не видишь? – спросил я. И Тимоха ответил:

– Смутно. Тень только.

– А я довольно ясно, – Мишка присоединился к разговору. – На снимок похожа, но она опасна. Не знаю, но ощущение такое, что к ней приближаться нельзя.

– Ты умерла, Анечка.

– Да, я знаю, – тихий вздох.

– Тим, а ты её слышишь?

– В принципе, если сосредоточиться, то да. Интересно... я раньше призраков не встречал.

Я тоже. Но почему мы с Мишкой видим, а он нет? Хотя слышать слышит.

– Но я не хочу. Я не должна была умереть! Помните, дядя? Вы говорили, что придёте на мою свадьбу. А теперь свадьбы не будет? Разве это правильно?

– Нет, дорогая. И я хочу найти тех, кто это сделал.

– И вы тогда заберете меня?

– Я дам тебе покой, девочка, – произнёс Шувалов, и голос его тоже прозвучал как-то совсем уж иначе. Веско? Тяжело?

– Покой? – её смех заставил меня стиснуть зубы. Уже не гвоздь, а осколки под череп засыпали. – Я не хочу покой! Я жить хочу! Слышите, вы? Я хочу жить!

– Это невозможно.

– Почему? Ты ведь призвал меня, некромант! А дядя делится силой. И я вспоминаю. Всё вспоминаю. И значит, я могу вернуться! Найдите тело! Пусть будет любое и тогда...

– Успокойся, Анечка, – за спиной девушки выросла тень. Глыба? Он был больше. И массивней. И да, теперь понятно, почему ему дали такое прозвище. Действительно глыба человеческая. И широкая рука легла на плечо. – Здравствуй, Карп.

– Дядя Карп! – а мальчишка-гимназист держал в руках лошадку. – Вы пришли за нами?

– Он пришёл нас допросить! – нервно отозвалась девица. – И упокоить! Мы умерли и, значит, всё! Ничего не будет! Ни твоего училища! Ни службы! Ни-че-го...

– Тише, – Глыба произнёс это с мягким укором. – Спрашивай, Карп. Расскажу, что могу, но знаю я немного.

– Вот так и расскажешь?! – девица топнула ногой. – А потом что? Дальше что?!

Глыба только головой качнул и заговорил:

– Ко мне обратился старый клиент. Савва Пересвятов. Купец второй гильдии. Может, помнишь? Найдёшь. Хотя он вряд ли причастен. Скорее просто посредником выступил. Он и раньше меня советовал. А я его. Сказал, что знакомый ищет мастера, способного выполнить тонкую работу. Сперва мне передали пластину и руны, которые нужно было нанести. Узор, честно говоря, довольно странный, но объяснили, что это будет реквизит для театра.

Хорошее объяснение, к слову.

– Я поначалу поверил.

– А потом? – уточнил Карп.

– Потом приложили описание. Размер. Пропорции. Отступы по краям. Глубина реза. Допуск изменения этой самой глубины. Ширина канала. Тот, кто принимал работу, каждый символ перемерил. Но ты знаешь, я работаю аккуратно.

В этом его и беда.

– Заплатили сразу же. Наличными. Две сотни рублей. Это много. Но сказали, что если соглашусь поработать, то получу больше. Нужно изготовить где-то с три дюжины пластин. Каждую приносили. Отдельно лист с узором. Отдельно – камень. Камень, к слову, очень такой... своеобразный. Сперва я решил, что мрамор, не наш просто, но потом понял, что структура совсем иная. Он более плотный и вязкий, а вот хрупкости почти нет. Зато чувствителен к силе. Стоит чуть увеличить поток, и сразу трещина или проплав. Я пару кусков испортил. Думал, будет сердиться, но нет. Наоборот, сказал, что отлично справляюсь, что понимает сложность работы. За каждую пластину платили уже пять сотен. Да, Карп, я понимаю!

Карп Евстратович ничего не сказал. Но и молчание его было выразительным.

– Надо было позвонить тебе. Сказать. Хоть что-то сделать. Ясно же было, что дело не в театре. Что ни один театр не будет платить столько за то, что можно сделать куда дешевле. Зачем делать из камня то, что можно на холсте намалевать? Вон, студентов-художников полно. За сотку и руны изобразят, и бабу голую. Да и точность эта. Сами руны тоже странные. Я ведь пытался разобраться в них, но там связки напрочь нестандартные.

Глыба покачал головой.

– Мне приносили по две-три штуки. Когда всё было готово, я набирал номер.

– Чей? – голос Карпа Евстратовича звучал надтреснуто.

– Публичного дома. Заведение Курицкой. На Слоновой улице.² Да, это тоже на театралов не тянет. Мне нужно было оставить сообщение. Через день-другой появлялся тот, кто забирал заказ и отдавал часть денег. Потом, как понимаю, они проверяли. И если всё было хорошо, то приносили следующую партию. Дважды пришлось переделывать. И знаешь, там был скок буквально в волос, но и это их не устроило.

– Почему ты ничего не сказал?

Хороший вопрос.

Руны. Пластины. Связь через публичный дом. Деньги, опять же. Хорошие такие деньги, которые не будут платить за ерунду. Тут Глыба прав. Не театр это. Не обычный во всяком случае.

---

² Отрезок Суворовского проспекта между 2-й и 9-й Советскими улицами ранее назывался Слоновой улицей по названию зверинца «Слоновый двор», размещавшегося на месте современной гостиницы Октябрьская». В переулках, которые окружали улицу, находилось три публичных дома.

– Прости. Хотел. Собирался. Но... потом таблицы стали сложнее. И цена выросла. Семьсот рублей. Да, пришлось стараться, но я руку набил, и получалось вообще отлично. А у меня дети.

– Да! – взвизгнула Анечка. – У тебя дети! И ты должен был думать о нас!

– Мне казалось, я думаю. Нет, мы никогда-то не бедствовали, Карп, но... ты же сам понимаешь, хочется дать им больше. Нанять учителей, потому что у Анечки не всё ладилось с учёбой...

– Теперь я виновата?

– Да и с Тишкой тоже стоило позаниматься. Дом присмотреть. Квартира хороша, но в ней стало тесновато. Ну и свой дом – это свой дом. Автомобиль. Я хотел подарить Анечке на двадцатилетие. Она давно просила, а как-то оно дорого.

– Только его у меня не будет!

– Приданое, – Глыба будто не услышал этого окрика. – И в свет девицу вывести, тебе ли не знать, что это дорого. На море летом. И так-то тратили мы изрядно. Но чего уж тут. Они радовались. А у меня только и оставалось, что их радость. Я себя успокаивал, что эти руны, что они не имеют смысла. Что, кто бы их ни придумал, это сделал человек, весьма далёкий от магических дел. И раз так, то это безопасно. Я решил, что очередной миллионщик вздумал поразить своих друзей какой-нибудь ерундовиной. Помнишь, дело Ветюжина? Когда мошенники ему втюхали молодильную машину? Вот что-то вроде. Отсюда и оплата, и точность. И таинственность эта. Да, я понимал, что оно, может, и незаконно, но...

Но понимание не остановило.

Мы все время от времени нарушаем закон. Просто у кого-то получается, а у кого-то – нет.

– Я надеялся, что это всё закончится и они исчезнут.

Но не получилось.

– Тим, ты слышишь?

– Вижу плохо, но да, слышу отлично. А перед глазами точно туман стоит. Размыто всё.

– Однажды мне сказали, что пластин больше нет. Заказ выполнен. Почти. Теперь нужно их соединить. Появился человек, который принёс две. Сложил. Части узора совпадали идеально. Я был хорошим мастером.

На свою беду.

– И да, у меня получилось. Здесь есть свои сложности. Структура камня не всегда однородна, поэтому стыковать нужно не только сверху, но и изнутри. Главное, что в тот раз вышло просто отлично. И мне предложили двадцать тысяч. Неделя или две работы. Но условия таковы, что мне придётся уехать. Я должен буду предупредить родных. Сказать, что получил заказ и отбываю за границу. Что связи не будет.

– И ты...

– Отказался. Одно дело – переносить рисунки с тетради на камень. В конце концов, что бы я там ни подозревал, в этом не было ничего противозаконного. А вот уезжать куда-то? Прятаться? Нет, это совсем иная постановка вопроса...

– Папа!

– Тише, – Глыба обнял дочь, которая попыталась вывернуться из-под руки. – Карп, я собирался тебе позвонить. Он ведь очень долго меня уговаривал. Повышал оплату. Сначала двадцать пять тысяч. Потом тридцать. Обещал помощь. Намекал на какую-то организацию, членом которой я могу стать. Мол, открою невероятные возможности и для себя, и для детей. Но, знаешь, чем больше он говорил, тем яснее я понимал – ехать нельзя. Я не выйду живым.

Так и получилось.

– Он ушёл. Он был зол. Сказал, что у меня будет возможность подумать ещё раз. А я... я тогда решил уехать. Действительно. К морю. Увезти всех и подальше. Переждать.

– Дай догадаюсь. Они успели раньше? – Карп Евстратович спрашивал тихо, но ясно. Глыба развёл руками и произнёс:

– Анечка пропала.

– Как?

– Оставила письмо... я его сжёг.

– Это ты зря.

– Да. Она писала, что влюблена. И что понимает неправильность нашей жизни. Что любовь открыла ей глаза на несправедливость, которая творится вокруг. И такое вот всё. Я испугался. Понимаешь, там было ясно, что она связалась с революционерами.

– Почему ты не позвонил?

– Сперва позвонил её подружкам. Думал, может, знает кто-то. И куда ехать. Я бы поехал и забрал. Но они ничего не знали. И я понял, что не справлюсь сам. Я... собирался звонить, Карп. Только снова они успели раньше.

Что ж, у меня картинка вполне складывается. Столь ценного специалиста упускать нельзя было. Вот и повели параллельную разработку.

– Позвонили мне. И сказали, что могут помочь с моей проблемой, если я рассмотрю их предложение. Я сорвался. Я ведь не дурак, Карп. Хотя... да, и дурак тоже, но тут сообразил, что это они Анечку заставили.

– Никто меня не заставлял!

Верю.

Охотно верю. Как показала практика, они знали, как обращаться с юными восторженными девами. Адская смесь красивых идей, облечённых в красивые же слова, и любовной любви. Ну и трудности, конечно, которые надо преодолеть, чтобы сделать мир лучше.

Чтоб...

И ведь это работало. Всегда работало. И будет работать.

– Я его любила! Слышишь, папа! Я любила его! А ты... ты бы никогда не принял! И мы решили убежать, а потом... потом он привёз меня к другу, где можно было спрятаться. Переждать, пока мне делают документы! И мы бы уехали! Далеко уехали! А этот друг, он нас предал! Опоил чем-то, и я очнулась уже тут.

Конечно, друг предал.

Она и сейчас верит в то, что её возлюбленный не при чём.

Или...

Мишка поморщился. Да и у меня от её голоса снова голова болеть начала. А ещё белая фигура мигнула, будто голограмма дала помеху.

– Вот... дура, – шёпотом произнёс Тимоха.

– Она просто очень молода, – откликнулся Мишка. – И наивна. И не она одна такая. К сожалению. Кое-кого получилось вытянуть, но таких, как она, хватает.

Одоецкая встречается с Германом, сколь знаю.

Нет, это не свидания, конечно. Как можно? Просто здоровье у него ещё слабое, и нужно приглядывать, чтобы не стало хуже. А заодно обсуждать какие-то очень и очень серьёзные вопросы.

Здравоохранения.

Образования.

И вообще роли женщин в обществе. Главное, что обсуждения эти порой затягиваются, но оба не имеют ничего против. Как и в целом Шуваловы. Сколь понимаю, они бы и о помолвке объявили, если бы не обстоятельства.

– Я понял, что Анечка у них. А кто это и как... ты бы не нашёл. Не успел. Я потребовал вернуть её. Пригрозил, что расскажу всё, что пойду в жандармерию, что не важно, что там дальше будет со мной. А мне ответили, что в этом случае никого и никогда не найдут. Я оста-

нусь жив, но вот мои дети исчезнут навсегда. Что возможности жандармерии не так и велики, особенно, если искать надо на той стороне. И у меня один вариант. Соглашаться. Делать работу. И тогда все останутся живы.

– И ты...

– А что мне оставалось, Карп? Ладно, я сам не боялся смерти. И сейчас вот... умирать – да, страшно. А потом уже и нет.

– Ты ведь понимал, что тебя не отпустят, – это не вопрос, это утверждение.

– Да. Я надеялся, что отпустят их. Мне было сказано выйти из дома. Машина уже ждала. Водитель со мной не разговаривал. Я вообще не понял, мужчина это или женщина. Приехали мы к тому самому публичному дому, в который я звонил. И да, узнавал. Когда сомнения появились. Меня встретил мужчина. Такой, с одной стороны видно, что он пытался выглядеть нарядно, с другой... это даже не купец. Но и не богатый крестьянин или мастеровой. Такое сочетание, всего и поярче. Алая рубаха. Зеленый пояс широкий поверх пиджака, а тот – жёлтый в красную клетку. И штаны с полосками. Сапоги, а поверх них – галоши с вышивкой. И ещё на руке у него перстней было четыре или пять.

Интересная, должно быть, личность. И я даже знаю, кому это описание предъявить. Более того, предполагаю, на кого этот вот красавец работал.

Или работает.

– Лицо обычное. Довольно молод. Усы стрижёт с претензией, но видно, что мастер или косорук, или неопытен, и один получился пышнее другого. Волосы светлые, средней длины. Носит на пробор, а спереди такой волной укладывает. И бриллиантина на эту волну не жалеет. Туалетную воду также использует щедро, но дешёвую. При этом сам моется редко, а вот выпить любит. От него пахло перегаром, кислой капустой и чесноком, – говорил Глыба сухо, спокойно, перечисляя факты. – Со мной беседовал почтительно и не приближался. Сказал, что повезут дальше, но сперва я должен выпить. Что место тайное, а потому лучше не сопротивляться. Сам поднёс чарку. Дикая бурда, я тебе скажу, но меня отключило знатно. Там не только сивуха была.

Полагаю.

Да уж, подготовились Философы отлично.

– Очнулся я уже в клетке. Анечка тут была. И Тишка. Как его похитили, я не знаю. Он отказался говорить.

– Тиша?

– Я... – мальчишка мотнул головой. – Я не хочу.

– Тиша, – Карп Евстратович заговорил мягко. – Это важно. Я хочу найти этих людей. Хочу, чтобы они предстали перед судом. Сперва земным.

А потом и другой будет. Я точно знаю.

– И мне нужно, чтобы ты помог. Это будет правильно.

Тишка покосился на сестрицу, повернулся к отцу и, когда тот кивнул, прижал к груди лошадку и погладил её.

– Я... я домой шёл. А рядом машина остановилась. И... и это она.

– Заткнись! – взвизгнула девица. Но Тишка мотнул головой и упрямо повторил.

– Она сидела. Внутри. Рукой помахала. Сказала, что это её друга машина. И что он до дома довезёт. Я и сел. Вот... а потом она мне лимонаду предложила. Я и взял.

Правильно.

Кто бы не взял? Сестра ведь предлагает. От своих не ждёшь подвоха.

Глава 8

В подгородной псковской деревне «Гоголевке» собиравшего в поле растения для гербария студента Некрасова окружила толпа местных крестьян, заподозрив студента в том, что он «пускает холеру». Толпа допрашивала студента в течение полутора часа, угрожая смертью. Обыскав студента, в кармане нашли зубной порошок. Толпа, в доказательство, что это не отравка, потребовала, чтобы студент съел порошок. Лишь после этого студента отпустили.

Изо дня в день

– Заткнись! Заткнись! Заткнись! – вопль девицы и меня оглушил. В голове будто граната взорвалась. Я аж стиснул зубы, пытаюсь как-то унять пульсирующую боль. А граница круга задрожала. – Это неправда!

– Аня?

– Он всё врёт!

– Это она врёт. Я заснул, а... а не до конца. Слышал, как они говорят. Она и этот её... друг. Что меня надо спрятать в надёжном месте. И что Анька тоже останется, чтоб правдоподобно было. Что тогда ты, папа, точно работу выполнишь. Она должна плакать и умолять, чтоб ты согласился. И следить, чтобы не задумал чего-нибудь. А если вдруг, то подать знак.

Интересный поворот сюжета. Прямо таки радикальный.

– Мелкая тварь! – голос Анечки утратил всякую нежность. – Ты... ты...

– Это ты! – мальчишка не отступил, только лошадку свою прижал к груди. – Ты виновата! Помогала им... придумала это. Я... я не выдавал. Сперва сам не очень понимал, что происходит. А потом, когда спросил, у неё спросил, как так, она заверила, что если будем слушаться, то нас отпустят. Всех. И что надо молчать. Надо делать, как говорят. Только... только они обманули всех. Да, Ань? И тебя тоже!

– Анна? – в голосе Глыбы я не услышал злости, только разочарование.

И усталость.

И ещё боль.

– Она собиралась забрать деньги и уехать. Далеко. И жить с этим своим... другом.

Дура.

Вот теперь – да, я полностью согласен. И дело не в том, что поверила. Верят многие. Даже те, которые вроде бы умные и с воспитанием, образованием, языками и умением играть на рояле. Но одно дело – верить, а другое – предать.

Своих вот.

Я бы даже понял, наверное, если бы она просто вынесла из дома деньги там, драгоценности. Крысятничество, да и ладно. Всякое бывает. Но чтобы вот так, как... прямо внутри выворачивает.

– Да, собиралась! Я имела право! Мне надоело это вот всё! Ты только и видел, что его! Сыночка драгоценного! А мама из-за него умерла!

– Мама болела...

– Но если бы не он, она прожила бы дольше! А я?! Как я? У тебя братик. Подумай о братике! Помоги братику! Мне же что?! Что мне?

– Аня, ты ведь никогда и ни в чём не нуждалась.

– Конечно! Не нуждалась! Только и слышала, что это дорого, то – тоже дорого. И вообще девушку украшает скромность! Ты даже мамины драгоценности не позволял мне носить.

– Куда? В гимназию? Или на курсы?³

³ Имеются в виду Высшие женские курсы, аналог высшего образования для женщин в Российской Империи.

– Не важно! В театр нельзя!

– Можно, но не на...

– Сплошное лицемерие! – перебила Анечка. – Я для тебя не была человеком! Я была лишь способом укрепить связи. Ты начал женихов присматривать, даже со мной не посоветовавшись! А я... я хотела стать певицей! Или актрисой! Чтобы мне рукоплескали! У меня был талант! Был! А ты что? Ты заявил, что это – неподходящая профессия для девушки из хорошей семьи! А я хотела! Я бы... да, уехала! Я была уверена, что никто ничего вам не сделает! Да, поработаешь немного! Ты и так работаешь! Мог бы, в принципе, и сам согласиться! Тогда бы нас не тронули!

Очень в этом сомневаюсь.

Её бы использовали. Вытянули бы деньги. Возможно, подговорили бы сбежать куда-нибудь в прекрасное далёко. А потом... потом – сценарий на потом уже отработан.

В лучшем случае продали бы в специализированное заведение, где гимназическое образование не особо нужно. В худшем – закончила бы дни в каком-нибудь подвале.

– Но нет! Ты же упрямый! – Анечкин голос сорвался на визг. – Ты же принципиальный! Ты же упёрся и всё! А им нужна была твоя помощь! Я думала, что нужна! И он не мог солгать! Просто тот, который приходил, он убил Ванечку... он...

Значит, Ванечка.

Хотя вряд ли его и вправду так зовут. Имя наверняка такое же лживое, как и сам этот урод.

– Дура, – буркнул мальчишка.

– Карп Мстиславович, – голос Николая был тих, но в то же время слышен отлично. – Вам пора заканчивать.

– Глыба. Что ещё?

– Ничего особо. Приходили трое. Все трое – в масках. В перчатках. Я начал надеяться, что и вправду отпустят, если не меня, то хотя бы их. Просил, но мне было сказано, что сперва работа. Я попытался было ставить условия. Они просто ушли. Оставили нас. Это было страшно. Мир тянет силы. Он давит. Потом свет исчез. Тишина и темнота. Аня рыдала. Тишка... и я сдался. Крикнул, что готов, что сделаю всё, что просят. Тогда они появились снова. Свет вернули. Принесли воду. Еду. Еду носили оттуда, всегда свежая. Здесь, если постоит немного, то появляется довольно мерзкий привкус, – Глыба не убрал руку с плеча дочери. – Убирали. Нам ставили вёдра. Давали воду умываться. Одежду меняли. Грязную забирали, возвращали чистой. Одежда была нашей, так что в квартиру они заглядывали.

Но искать там следы – дело гиблое.

– Потом, когда мы слабеть начали, появились порошки. Явно не из лавки. Состав непростой. Но они помогали. Появлялись силы. И даже будто жить хотелось. Не знаю, как объяснить. Но работалось легче. Только потом слабость накатывала. И уже не хотелось ничего. Ещё были книги. Не мне, Анечке и Тишке. Журналы модные. Один вот разговаривал даже, рассказывал разное. О премьере. Точно. Премьера в опере. И постановка. На ней была императорская семья. Он очень толково описал наряд Её Величества.

А вот это уже интересно.

– Особенно факт, что кружево перед выходом порвалось и фрейлине пришлось зашивать прямо в театре...

Очень интересно. И круг сужает.

– Из троих один был старше. Он молчал. Редко открывал рот и всегда только по делу. Он следил за процессом монтажа. Потом калибровкой занимался. Знаешь, эти пластины... я так и не понял, что именно они сделали, но когда всё собралось воедино, оно заработало. Силовые потоки шли по каналам, но... что оно делало и как – не знаю. Ещё...

– Он леденцы жевал, – тихо произнёс мальчишка. – Тот, который второй. Носил с собой в жестянке от табака. Меня угощал. Леденцы такие странные. Сладкие, но как будто с табаком. И ногти у него жёлтые, только не все, а на одной руке. И мизинец кривой, почти не шевелится. Он так в перчатках был, но жестянка тугая, в перчатке неудобно открывать.

И он снял.

– Спасибо, Тоша...

– Мизинец этот будто согнутый, вот так, – парень показал. – А ногтя на нём нет.

Хоть какая-то примета.

Или не какая-то? Философы в деньгах не нуждаются, и доступ к целителям у них есть. А перелом мизинца не выглядит слишком серьёзной травмой, чтобы нельзя было выправить. Если это не простой перелом.

– Карп Евстратович, надо заканчивать, – напомнил о себе Николая.

– Сейчас, – Глыба положил обе руки на плечи девочке. – Аня, расскажи.

– Что?

– Всё, что знаешь. Я сейчас уйду, а ты расскажешь. Где познакомилась со своим ухажёром. Через кого. Кто знал о ваших встречах. Всё, что только вспомнишь.

– Иначе что?

– Иначе, – сухо произнёс Шувалов, – я закрою твою душу здесь, может, не на веки вечные, но на пару сотен лет. А потом мы уйдём.

От этой угрозы и меня пробрало.

– И будет в своём праве, – согласился Глыба. – Карп... ещё кое-что... они спорили. Не при нас, но когда долго сидишь в темноте, слух обостряется. Это было всего раз. Нет, случались споры по поводу энергетических потоков, калибровке и прочее. Но это скорее рабочие вопросы. А в тот раз... я уже завершил сборку стелы. Честно, не знаю, для чего она предназначалась, но находиться рядом с ней было неприятно. Как будто она не отсюда. Не из этого мира. Они проводили испытания. То трое. То двое. В тот день появился старший. Принёс воду. Еду. Одежда. Одежду, которая была раньше нашей. Он долго стоял. Смотрел. Я решился. Я сказал, что выполнил заказ. Что понимаю, я им нужен. И готов работать дальше. Принести клятву, причём любую. На крови, на силе. На душе, если понадобится. Но пусть он выведет детей.

– А он?

– Он спросил, смогу ли я сказать, сколько понадобится динамита, чтобы завалить пещеры.

Однако.

Ещё один резкий поворот.

– И будет ли у меня место, где я могу укрыться на некоторое время.

Очень интересно.

– Я ответил, что готов. А с динамитом сложно, если на глаз. Нужно изучить сами пещеры. Определить уязвимые точки. Вызвать обрушение можно, как и засыпать отдельные проходы, но внутри горы это всё чревато. Даже небольшой взрыв способен вызвать серьёзные сдвиги, если произойдёт в нужном месте. Ладно. Не о том. Он вывел меня из клетки. Мы вернулись в зал. Сказал, что я должен осмотреться. Конструкция изменилась. Появились кандалы. И когда я спросил, зачем они, он ответил, что это не совсем тот вариант, на который он сам давал согласие. Однако его мнение уже никому не интересно.

Вот тут уже я слушал, боясь пропустить хотя бы слово.

– Большого не успели. Появился другой. И ему не понравилось происходящее. Меня вернули за решетку. Но я слышал, как они ругались. Тот, что старше, заявил, что в любом исследовании должны быть границы морали. И что некоторые вещи категорически недопустимы. Что это не останется без внимания. И не стоит полагать, что здешний мир так уж пуст. Что есть твари и их хватит, а иных трогать нельзя. А тот, который моложе, ответил, что так называемые

мораль с нравственностью – оковы для разума. И что все ссылки на божественное – не более, чем досужая выдумка. И что тот, первый, должен сделать выбор.

Выдох.

– А первый ответил, что выбор сделан давно. И к сожалению, вся сила мира не способна изменить последствия этого выбора. А потом куда спокойнее заявил, что я нужен. Что работы ещё много, а хороших специалистов, наоборот, мало. И раз уж здесь всё закончено, то имеет смысл перевести нас в другое место.

– Усадьба, – сказал мальчишка. – Папа, я тоже слышал. Он сказал, что перевести в Усадьбу. Что оттуда мы точно никуда не денемся. А второй сказал, что вопрос рассматривается. И надо ждать. А тот спросил, чего ждать. А второй ответил, что пробного запуска. Что образцы отловлены. И скоро доставят. И что после этого запуска и будет всё понятно. Вот... они ушли. И несколько дней было тихо. Приходили, но только, чтобы убрать или еду оставить. А потом нам принесли лимонад. И мы уснули. И спали, наверное, долго... не знаю, сколько. А когда проснулись, то было тихо. Тихо и темно. Очень тихо. И очень темно. И... и спать хотелось. Я был такой уставший, как никогда раньше. А спать не мог. Хотел, но не мог. И просто лежал. Не шевелился. Папа тоже не шевелился почти. И никто не приходил. Мы ждали, ждали, а никто всё равно не приходил. Ни первый, ни второй, ни третий, который с конфетами... а потом папа умер. И я подумал, что тоже умру, если не доберусь до решетки. И добрался. Но всё равно умер. Вот...

У меня ком к горлу подступил.

– Но я знаю, почему так случилось. Потому что она выдала. Правда, Анечка? – мальчик повернулся к ней. И девица отшатнулась. – Ты подала знак им знак. И что они сделали? С тем, кто собирался нам помочь?

– Ты опять врешь!

– Нет! Я понял. Сейчас понял. Ты... ты тогда отказалась пить! Лимонад. Никогда не отказывалась, даже там, раньше, а тут... папа – это она! Она виновата!

– Тоша, – Глыба обнял сына. – Это уже не имеет значения. Карп, спасибо.

– За что?

– За то, что пришёл. И отпусти нас, некромант. Тогда у вас будет ещё время. Спрашивайте. И так, чтобы ответила.

– Мир тебе, – произнёс Шувалов. – И тебе, дитя. Спасибо за помощь.

А вот с душами он держался совсем не так, как с людьми. И поклон этот был искренним. Потом взмах рукой, словно росчерк пера, и воздух чуть вздрагивает, а я слышу эхо тёмной силы.

И души растворяются.

Кроме одной.

Аня, Анечка... чтоб тебя.

Она же, поняв, что осталась одна, срывается на крик. И крик этот рождает эхо. И уже кажется, что она, душа, повсюду и сразу. И даже я затыкаю уши руками, а Карп и вовсе складывается пополам, и Николая подхватывает его, что-то суёт в руки. Целительская сила здесь пахнет мятой, и запах этот напрочь чуждый миру.

– Хватит! – а теперь Шувалов зол. И окрик его подобен плети.

И плеть же в руке щёлкает, преодолевая границы кругов, разбивая вопль и позволяя мне вдохнуть.

– Решай, девочка, – Шуваловская плеть, созданная из живой тёмной силы, вьётся змеей. И Анечка, застыв изваянием, не способна отвести от этой чёрной гадюки взгляда. – Ты или говоришь сама, или он уходит, а я запечатываю твою душу здесь.

– Дядя...

– Ты это заслужила, – перебил Шувалов. – Так что думай.

– А если я скажу? – она поднимает взгляд. И глаза её черны, что омуты. Что-то мне кажется, с этой душенькой не всё так ладно.

– Я подарю тебе покой.

– А жизнь? Я не хочу покоя! Я хочу жить!

– Свою жизнь ты сама разрушила. И не только свою. Поэтому выбор простой. Покой или останешься здесь.

Глава 9

В бюрократических кругах говорят о намерении правительства вполне ликвидировать старый строй полиции, в том числе и секретной, и некоторые из видных деятелей ее, имена которых пестрят теперь столбцы иностранной печати, могут очутиться если не на скамье подсудимых, то, во всяком случае, за бортом их прежней деятельности. Это признается необходимым сделать до суда над А. А. Лопухиным «Вести».

– Я... Я все скажу, дядя Карп, – девица всхлипнула, снова меняясь. Тонкие руки поднялись, и ладони упёрлись в возведенную некромантом стену. – Я многое знаю. Очень! И мне жаль. Мне так жаль, дядюшка! Я не думала, что все выйдет вот так. Я не хотела, чтобы кто-то умер! Я думала, мы вернёмся. Все мы... Я бы уехала и только.

Голосок дрожал, и по лицу потекли слезы. Вот только лично у меня им веры не было.

– А они обманули. Ванечка говорил, что любит. Что мы будем вместе. Надо только потерпеть. Немного. Ради любви. Разве вы сами не говорили, что ради любви можно горы свернуть? Что-то мне этот разговор совсем не нравился.

– А я его любила. Я так его любила!

Ну да. Одни ради любви горы сворачивают, а другие родных предают. Каждому свое.

– Они не знают. А я знаю. И скажу. Все-все скажу. Только сил почти не осталось. И у меня. И у вас. Но есть способ. Будет проще. Легче. Говорить. Надо лишь каплю крови. Маленькую капельку!

– Нет, – голос Шувалова был сух и строг.

Губки Анечки задрожали.

– Я не желаю зла. Я не причиню. Вы же знаете. Вы же мне как родной. Или думаете, обману? Нет. Зачем мне? Мне отсюда не выбраться. Но я хочу, чтобы и они заплатили. Он заплатил. Да, я рассказала о том, другом. У него все равно не получилось бы. За ним с самого начала присматривали. Ему не верили. А попытайся папа сбежать, его бы убили. Понимаете? Я думала, что делаю лучше для всех!

Очень сомневаюсь, что ей было дело до всех.

– Кто следил? – Карп Евстратович старался говорить спокойно, но вот усталость в его голосе всё одно проскальзывала.

– Ванечка. Он и мне велел присматривать. Он хотел стать Мастером, мой Ванечка. А я была Учеником. Понимаете?

– Философы?

– Вы знаете? – девица была удивлена и неприятно, на миг её фигура вновь же пошла рябью. – Некромант, если ты не позволяешь ему меня питать, то поделись хотя бы своей силой.

Вот что-то мне это предложение не нравится. Даже больше не нравится, чем предыдущее.

– Ты же видишь, дяде плохо. Очень плохо. А рассказывать мне ещё долго.

Насколько же быстро она меняет лица. А ведь ей сколько было-то на момент смерти? Не так и много. Но и не мало. Мишка тогда про Высшие курсы говорил, а туда после гимназии поступают. Это значит двадцать точно, может, и больше. И вот гадай, то ли в ней с малых лет эта гниль сидела, то ли... хрен его знает.

Как?

Когда?

Почему вообще люди меняются? И почему кто-то становится героем, кто-то сволочью, а кто-то просто себе живёт спокойно? И главное, кто я сам тогда?

– Я видела. Не всех, конечно. Да, принято носить маски, но от них устаёшь. Неудобно, когда на тебе постоянно маска. Кожа под ней потеет, чешется. Или вот, как целоваться в масках-то? Не говоря уже о другом... так что описать смогу. Или нарисовать. А если заберешь, дашь мне тело, некромант, то и покажу. Я ведь знаю, что ты на такое способен. Буду живым свидетелем. Почти живым.

Она весело рассмеялась над собственной шуткой.

– А в усадьбе красиво. Там павлины живут. Я видела в зоосаду, конечно, но одно дело там, а другое, когда они вот, рядышком, гуляют по дорожкам. И людей совершенно не боятся. Павлины довольно крупные. Ты видел их когда-нибудь, а дядюшка?

– Держи, – Шувалов как-то двинул запястьем, и хлыст истончился, превратившись в длинную чёрную нить, которая скользнула в круг. – Его отпусти.

– Совсем?

– Совсем.

– Я ещё не готова расстаться с дядей. Да и он тоже. Правда, дядечка? Знаешь, а Ванечке ты был интересен. И не только ему. Всё-таки служба у тебя... своеобразная. Помнишь, я тебя с подружкой своей познакомила? Мы ещё чай приходили пить.

– Помню, – сухо произнёс Карп Евстратович. И голос у него был странным, глухим.

Чтоб... надеюсь, кто-то выпить захватил, потому что даже мне от этой беседы было тошнотливо.

– Она ведь была красивой. Она была самой красивой из нас. И знала это. И умела пользоваться.

– Красота ничего не значит.

– Ты её единственная неудача. Такой вежливый. Такой занудный. Такой примерный семьянин. Хотя, казалось бы... тетюшка давно постарела и подурнела. У неё морщины вон. И сколько бы пудры она поверх ни сыпала, морщины никуда не денутся.

– Прекрати.

– А Ниночка – свежа и прекрасна. Ты её очень огорчил...

– Фамилия Ниночки? – Карп Евстратович ухватил основное.

– Помилуй, дядюшка, – Анечка всплеснула руками. – Разве ж принято о таком спрашивать? Вообще сомневаюсь, что её Ниночкой зовут. Или звали? Но ты не переживай, дядюшка, она давно уже ушла.

– Куда?

Анечка подняла ладони к потолку.

– Она вдруг передумала. Вдруг осознала. Мол, дурное творит и всё такое... в монашки собралась. Но зачем нам монашка-то? Вот и пришлось... обратной дороги нет. Так что ни к чему тебе её искать.

Руки вытянулись и Анечка коснулась стены уже выше, над головой, этак, невзначай. И пальчики скользнули, оставляя на воздухе тёмный след.

– Тим, – произнёс я очень и очень тихо, но брат повернулся ко мне. – Готовься. Что-то не нравится мне.

– Что?

– Не знаю. Но эта тварь не просто так нам зубы заговаривает.

А считать Анечку человеком я уже не мог.

– Как ты познакомилась со своим Ванечкой? – Карп Евстратович всё-таки был профессионалом. – Когда? Где?

– Давно. Мне было пятнадцать. И меня папенька сослал в Евпаторию.

Чтоб меня кто в пятнадцать в Евпаторию сослал. А я бы там сидел и томился ссылкой. Стихи бы писал, возможно, про мятежную душу или ещё какие благоглупости.

– Целитель ему посоветовал. У меня же слабое здоровье, поправлять надо, – это было сказано с насмешечкой. – Я сперва обрадовалась, а он тётку приставил. И Тишку с ней. Как же муторно! Туда не ходи. Туда не смотри. Помни о манерах. Будь скромной. Не смейся. Не разговаривай громко. Не глазами. Ни шагу ступить, чтобы нотацию не прочитали! Это Тишенька у нас умница и всё-то всегда правильно делает. Даже когда дерется и папеньку в школу вызывают, как тогда, когда он окно разбил. И что? Ему и слова поперек не сказали! Конечно, он же...

– Евпатория? – оборвал причитания Шувалов. – И отпусти дядю.

– Он мне не дядя, между прочим. Так, привычка просто. Вообще мы и близко не родственники.

– Отпусти, – лёгкий рывок заставил девицу оскалиться. – Спокойно, упырица. Давай без этих игр. И ещё, чем больше ты меняешься, тем больше мне дано сделать. Ты же не хочешь, чтобы было так?

Шувалов поднял руку с растопыренными пальцами и крутанул ладонь влево. И девица завизжала, правда, визг тотчас перешёл в рык.

– Дядя! – рык сменился жалобным голосом. – Ты видишь, что он со мной делает? Он меня превращает в чудовище...

– Стоять, – Шувалов повернулся к Карпу. – У меня нет власти изменить душу. Я могу призвать. Отпустить. Запереть вот. Но не изменить. Она сама себя меняет. И начала это ещё при жизни. Причём задолго до того, как привела своих сюда. Скольких ты убила?

– Я?! Дядя...

– Скольких? – повторил вопрос Шувалов и снова крутанул руку, заставив тварь упасть на колени и выгнуться. Правда теперь она не рычала, а шипела, злобненько так. – Не отрицай. Ничто так не меняет душу, как пролитая кровь. Даже та, которая по нужде. Но чтобы начать превращаться в упыря, её надо проливать отнюдь не по нужде. И не раз.

– Это... это просто... просто отребье! Грязные нищие... они никому не нужны... они, как бродячие псы... в стаи собирались, и мы... мы делали мир чище! Лучше!

Интересно, когда-нибудь утратит актуальность эта песня про сделать мир чище, избавив его от ненужного элемента.

– Скольких?

– Трёх... или четырёх? Пять. Шесть? Понять бы ещё, когда считается, а когда нет. Например, считается, если я была в круге, но убивал другой? Ванечка... чаще всего он приносил жертву. А у меня сил мало. Сперва было мало. Это несправедливо, некромант. Кто-то рождается с даром, кто-то – нет. Кому-то достаются капли, а кому-то, как тебе вот, некромант, щедро отсыпано.

– Мой дар был таким не от рождения.

Карп Евстратович молчал.

Чтоб... может, попросить Николая, чтоб он его потом в кому вогнал, в эту свою, лечебную? После этаких откровений и свихнуться недолго.

– Конечно. Старайся. Развивай. Работай, – передразнила девица, распрямляясь. И вот интересно, белоснежное платье её не утратило белизны, да и сама она стала собой, прежней, такой вот хрупкой-хрупкой девочкой, идеальный образ жертвы. – Тоска смертная. И никто не скажет правды. Если дар слабый, то хоть уработайся, а толка не будет.

– И поэтому ты пошла другим путём. Отпусти его. Я ведь могу и сам разорвать связь.

– Я бы отпустила. Он не хочет.

– Карп Евстратович.

– Я... да. Прошу прощения. Конечно, – голос был тих, и в нём звучала растерянность.

– Дядюшка разочарован, да? Они все разочарованы. Они видели во мне красивую куколку, которой можно играть. Они прочертили всю мою жизнь. Учёба. И там, где прилично, а не там, где мне интересно. Потом замужество. Любой девушке нужно всенепременно выйти

замуж за приличного человека. Семья. Детишки. Вся эта тоска смертная! Я буквально тонула в этом! В бесконечных тёткиных нотациях! В ощущении, что меня никто не слышит! Не понимает! И я сбежала. В ту ночь я просто сбежала. Я хотела погулять. Одна. Море, берег и я. Послушать, как шелестят волны, а не как мне шипят на ухо, что девице неприлично гулять босиком по песку.

Ощущение неправильности усилилось.

– С ней неладно, – Мишка оказался рядом.

– Что не так? – Тимоха, прищурившись, вглядывался в сумрак пещеры.

– Плохая душа. Не пойму. Дар говорит, что очень плохая. Но я не учился на шамана, потому точнее не скажу. Опасная.

Вот это я и без дара шамана сказать мог.

– Я просто гуляла. А тут они... не знаю, рабочие или бандиты, или так кто... окружили. Начали трогать. Говорить всякое. Нехорошее. Я так испугалась! Я думала, что прямо там и умру.

И это было бы не худшим вариантом, честно говоря.

– Я звала на помощь, но там никого не было... как мне показалось. А потом пришёл Ванечка и убил их.

Чудесно.

Спаситель. Спасение и немного крови. Именно то, что нужно для появления настоящего чувства. И чтоб у эгоцентричной девы окончательно сорвало крышу.

– Он тогда очень изменился. И я даже сперва испугалась. Это страшно, когда человек становится не человеком. Но не убежала. А помогла. Я взяла камень и разбила голову одному уроду.

М-да, решительная девочка.

– И сказала Ванечке, что не боюсь. И руку протянула. На ней была кровь, и Ванечка... мы поняли, что созданы друг для друга.

Две твари под крымской луной. Романтика, мать вашу же ж.

– Ванечка снова стал человеком. И рассказал, что я видела. Он маг, но природа обделила его даром. Он не хотел смиряться. Искал способы, возможности. И не только он. На самом деле нас много, тех, кто не согласен смиряться с судьбой. Мы проговорили почти до рассвета. И Ванечка проводил меня. Пообещал, что найдёт. Что познакомит с другими. Что если я пожелаю, то смогу присоединиться.

Смогла. Тут не поспоришь.

– Он действительно нашёл меня в Петербурге. И да, мы встречались... да, тайком. Хотя как... папёнке вечно было некогда. Тётка иногда надоедала, но у неё свои занятия. Комитеты благотворительные, клубы эти... ерунда всякая. Сперва мы разговаривали. Обо всём и сразу. Мне никогда не было так интересно! И никто никогда не слушал меня по-настоящему! А ещё Ванечка познакомил меня с друзьями... тот, с мизинцем, его зовут Джорджи. В честь Джорджа Беркли.

А это кто?

Спрашивать неудобно как-то, в очередной раз демонстрировать недостаток образования.

– Имя не настоящее, конечно? – устало уточнил Карп Евстратович.

– Конечно. Но оно есть. Хотите узнать, как там всё устроено? Есть двенадцать мастеров.

И у каждого – двенадцать подмастерьев.

– Не два?

– Нет, конечно. Дюжина. Это священное число. Но обычно из дюжины выделяют двоих-троих, которые получают право называться кандидатами в мастера. И если освободится место мастера, кто-то из них его и займёт.

– И кто определяет?

– Голосование мастеров. Общее собрание, и каждый из кандидатов выступает. Рассказывает о том, что сделал, что умеет, чем был полезен. И потом выступают остальные, отдавая голос за того или иного кандидата. У каждого подмастерья есть ученики.

– Дюжина.

– Сакральное число, – ответила Анечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.